
9/12-135
Лучш
Моло
Ком
Лучшему
Комбайнеру
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 35 АВГУСТ 1976

ЗАДАНИЕ РОДИ

Советские космонавты Борис Валентинович Волынов (слева) и Виталий Михайлович Жолобов на родной Земле.

Телефото А. Пушкарева (ТАСС)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 35 (2564)

28 АВГУСТА 1976

ЭКИПАЖ СТАНЦИИ «САЛЮТ-5» НА ЗЕМЛЕ

Сообщение ТАСС

24 августа 1976 года в 21 час 33 минуты московского времени после выполнения 48-суточной программы исследований на борту пилотируемой научной станции «Салют-5» космонавты товарищи Борис Валентинович Волынов и Виталий Михайлович Жолобов возвратились на Землю. Посадка спускаемого аппарата транспортного корабля «Союз-21» произошла в заданном районе территории Советского Союза в двухстах километрах юго-западнее города Кокчетава. Самочувствие космонавтов удовлетворительное.

После завершения намеченной программы работ на борту станции экипаж подготовил транспортный корабль «Союз-21» к расстыковке и спуску на Землю. В спускаемый аппарат были перенесены материалы научных исследований.

В 18 часов 12 минут московского времени корабль и станция расстыковались, затем была включена тормозная двигательная установка корабля. По окончании работы двигателя произошло разделение отсеков транспортного корабля «Союз-21», и спускаемый аппарат перешел на траекторию снижения.

На расчетной высоте была введена в действие парашютная система, и спускаемый аппарат плавно приземлился.

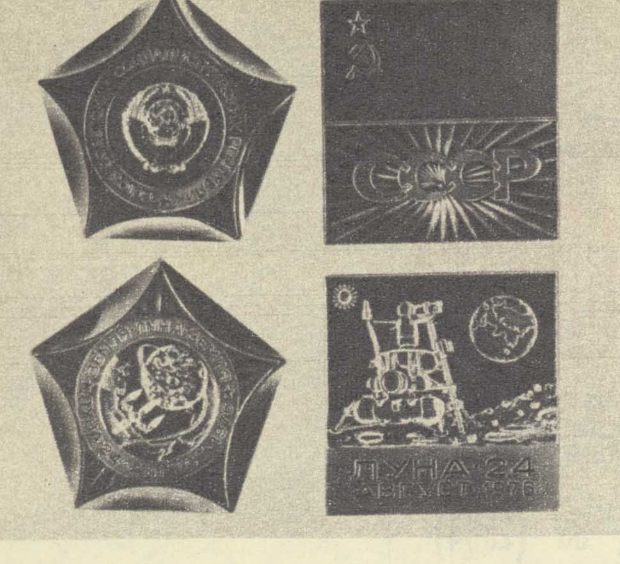
За время длительного космического полета с орбитальной научной станции «Салют-5» получена обширная и ценная научная информация о физических характеристиках атмосферы Земли и Солнца. Большое внимание было уделено исследованиям земной поверхности в интересах различных отраслей науки и народного хозяйства. Комплексная съемка проводилась над обширными районами территории Советского Союза.

Самостоятельной частью программы полета явились исследования протекания различных физических процессов и проведения технологических операций в условиях невесомости. В ходе полета успешно проведена отработка новых систем и приборов космических кораблей и орбитальных станций. Проведены комплексные исследования реакции организма человека на действие факторов длительного космического полета.

В течение всего полета связь с космическим кораблем «Союз-21» и орбитальной станцией «Салют-5» надежно обеспечивалась наземным командно-измерительным комплексом и судами Академии наук СССР «Космонавт Юрий Гагарин», «Академик Сергей Королев», «Бежица» и «Невель», находящимися в акватории Атлантического океана.

Станция «Салют-5» продолжает управляемый полет в автоматическом режиме. Все системы станции работают нормально.

НЫ ВЫПОЛНЕНО

На снимке: слева — Государственный знак с изображением Герба СССР на лицевой стороне и стилизованным изображением траектории перелета Луна — Земля на оборотной стороне, установленный на возвращаемом аппарате взлетной ракеты станции; справа — вымпел с изображением Государственного флага СССР на лицевой стороне и станции «Луна-24» на оборотной, установленный на посадочной ступени. Вымпел остался на поверхности Луны.

Фото ТАСС.

БУРОВАЯ НА ЛУНЕ

Валерий ПОЛЯНСКИЙ, научный сотрудник

На прошлой неделе мир облетела весть о новом замечательном космическом эксперименте. Советская автоматическая станция «Луна-24» совершила мягкую посадку в Море Кризисов, а взятые из самых глубин образцы лунных пород в возвращаемом аппарате летят к Земле.

...Самолеты поисковой группы подняты в воздух и распределились по району приземления. Наземные радиолокационные станции прослушивают небо в направлении трассы спуска.

Вот появляется сообщение сразу от всех служб: на экранах радаров зафиксирован пролет аппарата, пилоты видели след метеора в ночном небе.

Уточняется район приземления. Это — Западная Сибирь, недалеко от известного озера Самотлор. Есть что-то символическое в том, что посланец лунной буровой приземляется в краю прославленных буровиков. Земные и лунные мастера буровых дел словно породнились.

Так был завершен космический этап эксперимента...

Сейчас лунный грунт уже исследуется учеными Института геохимии и аналитической химии имени В. И. Вернадского Академии наук СССР. По доставленным автоматической станцией образцам лунных пород будет составлен подробный портрет нового района Селены, и разговор об этих открытиях еще впереди. А сейчас вспоминаются этапы короткого по времени, но такого динамичного рейса автоматической станции на Луну и обратно.

Даже после нескольких успешных полетов автоматов с мягкой посадкой на поверхность Луны и возвращением на Землю нельзя не восхищаться инженерным замыслом нового эксперимента, техническим совершенством приборов и умением людей, управляющих этим полетом. Для автоматического аппарата нет легких и тяжелых операций в полете, ко всем он относится добросовестно и скрупулезно выполняет. Но есть такие этапы эксперимента, как, скажем, мягкая посадка или взятие грунта. Кажется, что эти сложные работы выполняет не бездушный аппарат, а одухотворенный робот.

Вот свершилась посадка, и станция приступила к глубинному бурению. Автоматы уже брали грунт на Луне, но лишь с поверхностного слоя, а не из ее недр. Перед новой станцией стояла задача внедрить буровую трубку на глубину двух метров от поверхности. Надо было предусмотреть все, что могло встретиться на пути бура: твердая порода, скальные включения, сыпучий песок. Лунная буровая рассчитывалась даже на бурение камней. Когда встречалась очень плотная порода, специальный ударно-поворотный механизм попеременно то вращал буровую головку, то словно шлямбуром дробил ее. Однако не меньшая трудность заключалась в глубинном бурении даже самого обычного лунного песка: он оказывал неожиданно большое сопротивление. Специалисты объясняют это отсутствием в лунном песке свободной воды и кислорода, что ведет к слипанию частиц.

На случай песчаных пород конструкторы снабдили автомат оригинальным устройством, своеобразным транспортером грунта. Одновременно с движением штанги вглубь добытый грунт попадает в объятия восьми тонких лент, охватывающих его со всех сторон. Они ликвидируют силы трения между песком и буровой трубкой. Заключенный в ленты двухметровый керн наматывается на барабан, а затем поступает в герметизируемую ампулу. Грунт в лентах распределяется и сохраняется в той последовательности, как его добывали из недр, картина вертикального залегания лунных пород не искажается.

Я смотрю на лунный глобус и думаю, насколько детальнее мы узнали нашу ближайшую соседку за последние годы.

Еще Галилео Галилей, впервые обозрев в свой телескоп Луну в августе 1609 года, писал: «Как поверхность нашего земного шара делится на две главные части — земную и водную, так и на лунном диске мы видим великое различие: одни большие поля более блестящи, другие менее...».

Рельефный, пепельного цвета, испещренный большими и маленькими кратерами глобус Координационно-вычислительного центра отражает всю историю освоения Луны с по-

---

«Наш путь — социализм!»

Фото А. Минеева (ТАСС).

2 СЕНТЯБРЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ ТРИДЦАТЬ ОДИН ГОД СО ДНЯ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ — НЫНЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА ВЬЕТНАМ.

СЧАСТЛИВЫЕ

Мальчиков звали Туан и Кионг. Мы познакомились по дороге из Ханоя на Юг, в Дананг. Это было вскоре после того, как завершилась победой операция «Хо Ши Мин», и на всей вьетнамской земле от Ланшона до мыса Камау не осталось солдат оккупантов. Наконец-то семьи, разлученные войной, смогли собраться под одной крышей. Ребята вместе с отцом ехали к дедушке, который еще ни разу не видел своих внуков и долгие годы был разлучен с сыном. Старший из мальчиков, Кионг, с гордостью сказал, что он уже окончил первый класс и что брат пойдет в школу в 1976-м.

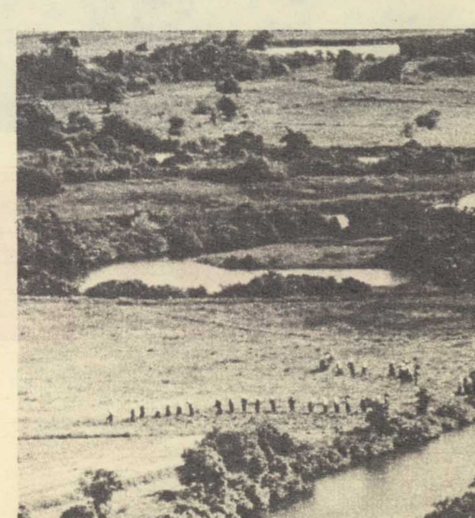
Год, когда маленький Туан сядет за парту, войдет в историю его родины. В этом году завершилось воссоединение страны в государственном плане. В июне в Ханое состоялась сессия Национального собрания объединенного Вьетнама. Представители всего народа из всех провинций республики собрались в здании высшего органа государственной власти, чтобы определить путь страны в будущее.

Позади три десятилетия освободительной борьбы с колонизаторами и агрессорами. Все эти годы слово «Вьетнам» на самых разных языках звучало как символ мужества и непоколебимой стойкости патриотов. Все эти годы рядом с Вьетнамом был Советский Союз, другие братские социалистические страны, все прогрессивные силы мира.

«Нет ничего дороже, чем независимость и свобода». Эти слова Хо Ши Мина вьетнамский народ подтвердил своей героической борьбой, которую он вел под руководством революционного авангарда нации — Партии трудящихся Вьетнама.

И вот настал день, когда первый секретарь ЦК ПТВ товарищ Ле Зуан сказал: «Вьетнам обрел мир, независимость и единство». Выступая на первой сессии Национального собрания объединенного Вьетнама, товарищ Ле Зуан подчеркнул, что только социализм принесет трудовому народу Вьетнама право быть подлинным хозяином страны. Современная экономика, наука и культура, территориальная целостность страны и ее независимость — все это возможно только при социализме.

Под мирным небом.

мощью космических аппаратов. Вот здесь, восточнее Моря Ясности, семнадцать лет назад, в сентябре 1959 года, станция «Луна-2» заложила краеугольный камень этой истории. Недалеко друг от друга, словно бутоны, раскрытые в четыре листка, две автоматические станции — «Луна-9» и «Луна-13». Из Океана Бурь они передали первые панорамы поверхности нашего ночного светила. Похожие на паучков, стоят макетики автоматов нового поколения: посадочные ступени лунных буровых, колесницы передвижных лабораторий — луноходов. Самый последний из них появился на глобусе совсем недавно. В юго-восточной части Моря Кризисов совершила посадку автоматическая станция «Луна-24».

Судя по глобусу, районы прилунения и забора грунта автоматическими геологами расположены относительно недалеко друг от друга. В 300 километрах юго-западнее последней буровой располагалась станция «Луна-20», дальше еще на 130 километров, в Море Изобилия,— посадочная платформа станции «Луна-16».

Районы прилунения всех трех станций выбраны не случайно и, несмотря на близость, совсем разные в геологическом отношении. Первая станция доставила грунт из типично равнинной поверхности Моря Изобилия — одной из древнейших впадин Луны. «Луна-20» совершила сложнейшую посадку в гористую местность и дала в руки ученым образцы пород, слагающих лунные материки.

Море Кризисов, на поверхность которого опустилась станция «Луна-24», не менее интересно для селенологов. По их мнению, это самое «глубокое» море (его поверхность ниже на четыре-пять километров условной средней поверхности Луны), одно из самых молодых. Считается, что его впадина заполнена лавами в гораздо более поздний период, чем остальные.

Есть и другие особенности района, выбранного селенологами для взятия грунта «Луной-24». Установлено, что высота орбиты искусственных спутников, пролетающих над этой местностью, снижается, а скорость движения возрастает. Это указывает на наличие в недрах впадины Моря Кризисов скоплений тяжелых пород, образующих так называемый «маскон». Структура различных образований на поверхности моря, таких, как кратеры, гряды, загадочна. Вот почему именно из недр этого района, из «морских глубин» Моря Кризисов был взят грунт для исследований. Изучение его селенологами только начинается. Оно покажет, насколько близки и насколько далеки друг от друга лунные моря Изобилия и Кризисов.

СХЕМА ПОСАДКИ СТАНЦИИ «ЛУНА-24» НА ЛУНУ

Вьетнам проголосовал за социализм. Выражая волю всего народа, страна обрела новое имя — Социалистическая Республика Вьетнам.

...Когда родители Туана и Кионга давали имена своим сыновьям, они назвали одного Красивым, другого Богатым — так переводятся на русский имена мальчиков. Кем станут они, когда вырастут? «Разве сейчас угадаешь?» — улыбнулся отец, приглаживая обеими руками вихры на макушках сыновей. — Главное, они будут счастливыми. Мы все для этого сделали».

Н. КРЫЛОВА

Ханой — Москва.

Фото Дм. Бальтерманца.

НАКАНУНЕ ЯРМАРКИ

С 5 по 12 сентября в Лейпциге будет проходить традиционная осенняя ярмарка, в которой примут участие свыше 6 тысяч экспонентов из 50 стран. Оказалось не просто связаться по телефону с дирекцией выставки в канун ее открытия. Наконец телефонистки смогли соединить нас с директором советского павильона И. А. Гречко.

«ОГОНЕК». Иван Акимович, застать вас на месте нелегко...

ЛЕЙПЦИГ. Ничего удивительного в этом нет! До открытия ярмарки считанные дни, и работаем очень много. Вот только сегодня, перед вашим звонком, я встречался с представителями предприятий «Карл-Цейс», «Текстима», которые участвуют на выставке, беседовал с товарищами из Общества германо-советской дружбы. Интерес к ярмарке огромен!

«ОГОНЕК». В чем, на ваш взгляд, особенность открывающейся ярмарки?

ЛЕЙПЦИГ. Прежде всего — время, в которое она проходит. Недавно была отмечена годовщина Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и подписания Заключительного акта, в котором также говорилось о сотрудничестве в различных областях. Девиз предстоящей выставки — «За свободную международную торговлю и технический прогресс», и мы здесь, в Лейпциге, в деловом ее ритме ощущаем значение Совещания в Хельсинки. Кроме того, недавно в ГДР проходила XXX сессия СЭВ. Она наметила широкую программу действий, которая охватывает все области хозяйства входящих в эту организацию стран, и уже сейчас большой интерес вызывают у специалистов те экспонаты ярмарки, в которых страны — члены СЭВ продемонстрируют свои достижения.

«ОГОНЕК». Как известно, СССР — постоянный участник лейпцигских выставок. Как вы думаете, чем привлечет внимание советский павильон на этот раз?

ЛЕЙПЦИГ. Советская выставка занимает площадь в 11 тысяч 800 квадратных метров. Экспозиция отражает наши успехи и задачи, поставленные XXV съездом КПСС и десятой пятилеткой перед нашим народом. Здесь будут представлены 6 тысяч экспонатов трехсот предприятий страны. Как обычно, мы покажем текстильные и полиграфические машины, медицинскую технику и средства транспорта, комплектное химическое оборудование и товары народного потребления. Но уже очевидно, что королевой ярмарки станет химия.

Отдельным разделом будут представлены достижения Узбекской ССР: текстильные машины, хлопок и его обработка. Думаю, что посетителям выставки будет приятно побывать в настоящей узбекской чайхане, оборудованной в нашем павильоне.

«Добро пожаловать!»

Фото Пресс-информации Лейпцигской ярмарки.

Премьер-министр Шри Ланки Сиримаво Бандаранаике выступает на V Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран.

Фото ТАСС

ФОРУМ В КОЛОМБО

Вадим КАССИС

Полных четыре дня в столице Республики Шри Ланка, солнечном Коломбо, продолжалась V Конференция глав государств и правительств неприсоединившихся стран. И все же на самом финише делегатам 86 государств Азии, Африки, Латинской Америки, Европы не хватило нескольких часов: торжественное закрытие конференции с общего согласия участников и устроителей было вынесено за рамки разработанной программы и состоялось поздно ночью. Этот на первый взгляд незначительный нюанс свидетельствует, по мнению многих наблюдателей, о кропотливой, целеустремленной работе, которая шла на всех этапах конференции, о значимости принятых документов и той ответственности, с которой подходили к форуму в Коломбо его участники.

С не меньшим интересом и вниманием следил за этим форумом и весь прогрессивный мир, который высоко оценивает главные принципы движения неприсоединения — укрепление мира и мирного сосуществования, самостоятельности государств, борьбу против империализма, колониализма и неоколониализма. Все перечисленные принципы прошли проверку временем, получили широчайшее признание. В послании Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева Председателю V Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран подчеркивалось, что конференция собралась «...в обстановке, когда силы мира и национального освобождения одерживают все новые победы, когда ведущей тенденцией международного развития стала разрядка напряженности, принципы мирного сосуществования утверждаются в качестве нормы взаимоотношений между государствами с различными социальными системами».

Знакомясь с итогами только что завершившегося форума в Коломбо, невольно вспоминаешь историю движения неприсоединения, которое возникло в условиях изменения мирового соотношения сил в пользу социализма, в процессе борьбы освободившихся стран с силами империализма и неоколониализма. Антиимпериалистическая направленность движения служила и служит объектом непрекращающихся атак со стороны реакционеров всех мастей. В то же время это движение завоевало естественные симпатии социалистических стран. В важнейших документах КПСС неоднократно давалась высокая оценка деятельности неприсоединившихся стран, отстаивающих мир, международную безопасность, ведущих борьбу за укрепление своей независимости.

Первая Конференция глав государств и правительств неприсоединившихся стран состоялась в сентябре 1961 года в Белграде. Тогда в ее работе участвовало 25 стран. Ланкийцы приняли в своей столице посланцев 86 стран.

Журналистская тропа не раз приводила меня в Коломбо, этот светлый, умытый тропическими дождями, приветливый город. Но сколько черных дней было в его истории! Раны заживают, оставляя на теле рубцы. Так и город Коломбо: на его площадях, улицах, в парках много отметин прошлого. На набережной в океанский простор смотрят молчаливые старые пушки. В свое время они переходили из рук в руки: за богатый остров вели борьбу португальские, голландские, английские колонизаторы. Центр города, там, где в эти августовские дни развевались флаги государств — участников V Конференции, по-прежнему именуется Фортом. Именно здесь высились грубой кладки стены крепости, камни которой повидали всякое на своем веку. Сейчас они навечно легли в фундаменты новостроек столицы республики, в том числе и зала международных конференций, где проходил форум неприсоединившихся государств.

Особенно мне запомнился встревоженный, затихший Коломбо 25 сентября 1959 года. В тот день на утопающей в зелени улочке Росмид-Плейс в белостенном особняке было совершено покушение на премьер-министра Соломона Бандаранаике. Видный государственный и политический деятель, внесший немалый вклад в борьбу против колониализма, за национальную независимость своей родины, пал от пули врагов ланкийского народа. Сегодня в центре Коломбо возвышается бронзовая фигура Соломона Бандаранаике. Автор памятника — известный советский скульптор Л. Кербель. Этот дар Советского

ТРАГЕДИЯ ТЕЛЛЬ-ЗААТАРА

Даже в «лучшие времена» лагерь палестинских беженцев Телль-Заатар («Тминная гора») в Ливане был, по словам корреспондента американского журнала «Тайм», «кошмарным местом». В двух шагах от богатых кварталов Бейрута, роскошных особняков христиан-коммерсантов Телль-Заатар был островом неописуемой нищеты. Здесь не было ни воды, ни света, люди ютились в страшной тесноте, в землянках, в самых антисанитарных условиях. Их было тридцать тысяч — мужчин, женщин и детей, изгнанных израильскими захватчиками из городов и деревень многострадальной Палестины и ставших почти даровой рабочей силой для бейрутских богачей.

Ожесточенные бои, развязанные правохристианскими силами в Ливане при поддержке империалистических кругов Запада, сионизма и арабской реакции, заинтересованных в уничтожении палестинского сопротивления, принесли безоружному населению лагерей беженцев новые лишения. Именно на него обрушились в слепой ярости ливанские штурмовики из правохристианских отрядов. В районах Бейрута и других местностях, находящихся в руках фалангистов, свирепствует террор: на улицах сотни обезображенных трупов мирных жителей, в том числе женщин и детей.

Телль-Заатар, находящийся на пути из христианского района Бейрута в горные районы страны, также населенные христианами, был изолирован фашиствующими молодчиками 16 месяцев назад. С 22 июня началась его полная блокада. С падением соседнего лагеря Джиср аль-Баша кольцо окружения замкнулось, и началась планомерная расправа над беззащитным населением. По свидетельству западногерманского журнала «Шпигель», в сутки по осажденным выпускалось до 40 тысяч пуль и снарядов. Сотни людей погибли под развалинами зданий, сотни умерли от голода и жажды. Ворвавшись в лагерь, фалангисты резали, душили, рубили топорами оставшихся в живых. Затем женщин и детей заставили пройти по трупам.

Таков конец Телль-Заатара — трагический пример того, что, как отмечает итальянская «Унита», может произойти завтра и в других лагерях палестинских беженцев и кварталах мусульманской бедноты. Тысячи и тысячи мирных людей убиты озверевшими погромщиками только за принадлежность к палестинцам или за симпатии к левым. Ответственность за преступление, подчеркивает газета, ложится на

Вот с кем расправляются «новые крестоносцы».

Так выглядят сегодня улицы Телль-Заатара.

Фото ЮПИ — ТАСС и из журнала «Шпигель».

правительства был с глубокой благодарностью принят ланкийцами накануне открытия V Конференции неприсоединившихся стран.

Дело, за которое боролся покойный премьер-министр Соломон Бандаранаике, продолжает ныне правительство Объединенного фронта во главе с Сиримаво Бандаранаике. Республика Шри Ланка пользуется на международной арене заслуженным авторитетом.

Встреча в Коломбо прошла не без вмешательства сил реакции, сил, стремившихся внести раскол в движение неприсоединения еще до начала конференции. Враги мира и прогресса — определенные империалистические круги и их подголоски из Пекина — старались всяческими пропагандистскими вывертами создать напряженность между отдельными участниками форума, увести его работу в сторону от решения главных, первостепенных задач современности — борьбы против империализма и колониализма. Однако результаты конференции свидетельствуют со всей очевидностью, что те, кто всегда предавал движение неприсоединения анафеме, просчитались. Подавляющее большинство ораторов позитивно оценило перемены, происшедшие за последние годы на нашей планете, выразило желание делать и впредь все для оздоровления ее политического климата.

Среди документов, принятых конференцией, основное место занимают две декларации — политическая и экономическая. Важным моментом политической декларации является подтверждение тех принципов, что неприсоединившиеся страны считают своей важнейшей задачей борьбу против империализма, колониализма, неоколониализма, а также апартеида и сионизма. Участники конференции отметили, что одной из важнейших задач движения неприсоединения должна стать борьба за установление нового международного экономического порядка.

V Конференция закончилась принятием решения о проведении очередного форума в кубинской столице Гаване в 1979 году. Эстафета передана — эстафета добрых дел, достигнутых на нынешнем этапе движения и закрепленных документами форума в Коломбо.

правых, которые обязаны своим превосходством иностранным танкам и орудиям, на тех, чье вмешательство в дела Ливана позволило фашистским силам перейти в наступление.

Нетрудно догадаться, кто заинтересован в дальнейшем разжигании кризиса в Ливане. Значительная часть оружия, с помощью которого правые проливают кровь арабских патриотов — свидетельствует на страницах «Юманите» один из очевидцев трагедии Телль-Заатара — поступает из Израиля в порт Джуния, контролируемый реакционными силами. Около ста молодчиков из правохристианской «милиции» проходят военную подготовку опять же в Израиле.

Империалисты и их ударный отряд на Ближнем Востоке — тель-авивские агрессоры, провоцируя ливанский кризис, стремятся отвлечь арабские народы от борьбы за освобождение оккупированных арабских территорий и обеспечение законных прав палестинцев, вызвать раскол в арабском мире, подорвать позиции палестинского движения сопротивления. Правые круги Ливана фактически выполняют заказ империалистических, реакционных сил, играют на руку Израилю, фактически вступив с ним в сговор.

В этой связи глубокое понимание и поддержку со стороны прогрессивной арабской общественности находит позиция Советского Союза, который последовательно выступает за урегулирование ливанского конфликта без вмешательства внешних сил самими ливанцами на мирной демократической основе, обеспечивающей независимость, суверенитет и территориальную целостность страны.

А. ГРЕЧУХИН

НА ФИНИШНОЙ ПРЯМОЙ

Владимир НИКОЛАЕВ

Итак, национальный съезд республиканской партии, одной из двух ведущих буржуазных партий США, выдвинул кандидатом на пост президента Джеральда Форда. В июле демократы назвали своим кандидатом в Белый дом Джимми Картера. Теперь избирательная кампания в США вышла на финишную прямую, не за горами президентские выборы, которые состоятся второго ноября.

Если к началу съезда демократической партии победа Дж. Картера была уже предрешена, то у республиканцев борьба между двумя претендентами, Дж. Фордом и Р. Рейганом, продолжалась до последней минуты. Еще во время первичных выборов стало ясно, что силы, стоявшие за Рейганом, сумели создать мощную оппозицию Форду и его сторонникам. В качестве лидера ультраправого крыла партии Рейган бросил вызов нынешнему президенту США.

Очень характерно, что отношение к политике разрядки стало одним из основных вопросов предвыборной борьбы между Фордом и Рейганом. Многие американские и иностранные обозреватели отмечают, что ряд непоследовательных и противоречивых шагов президента на внешнеполитической арене позволил Рейгану сколотить политический капитал и возглавить силы, противостоящие разрядке и выступающие за усиление гонки вооружений. Чего стоит, например, исключение Фордом из официального лексикона выражения «разрядка» и замена его формулой «мир посредством силы»?! Одно это высказывание, несомненно, стоило Форду голосов многих либерально настроенных избирателей на первичных выборах, в результате которых шансы Рейгана к съезду республиканской партии оказались практически равными шансам Форда.

Не менее характерно и то, что в канун съезда Форд и его сторонники все же подтвердили свое намерение способствовать ослаблению угрозы ядерной войны и дальнейшему развитию отношений между СССР и США. По мнению международных обозревателей, Форд тем самым сумел учесть настроения большинства американцев, что и определило его победу на съезде над Рейганом.

Но эта победа досталась нынешнему президенту США весьма дорогой ценой. Во время обсуждения и составления предвыборной программы республиканцев давление правого крыла партии все же сказалось. По настоянию сил, стоящих за Рейганом, в этой программе оказались положения, заимствованные из арсенала «холодной войны». Правда, прямое их требование отказаться от политики разрядки не получило поддержки. Но тем не менее в программе республиканцев можно найти и набившее оскомину упоминание о «коммунистической угрозе», и требование об усилении гонки вооружений, и оправдание агрессивной политики Израиля, и активную поддержку НАТО... Впрочем, даже эти явные перепевы программы Рейгана не устраивают его сторонников. «Эти формулировки, — пишет «Нью-Йорк таймс», — явно не удовлетворяют ультранационалистов и рыцарей «холодной войны», сплотившихся под знаменами Рейгана. Согласно их представлению о мире, всякая внешняя политика, в основу которой положена осторожная защита бесспорных национальных интересов, — жалкое занятие пораженцев. Они убеждены, что воля Америки должна взять верх в любом спорном вопросе, как большом, так и малом. Кроме того, они рассматривают нашу страну как блюстителя морали всего человечества». Факты говорят о том, что, несмотря на поражение Рейгана на съезде республиканцев, подобные настроения продолжают оказывать влияние на политику Соединенных Штатов.

Форд или Картер? Этот вопрос занимает сейчас не только американцев. Опросы общественного мнения в США говорят о том, что Картер лидирует. Если бы выборы состоялись сегодня, то, по результатам этих опросов, победил бы Картер. Но до второго ноября еще есть время...

Не секрет, что в программе, принятой демократической партией на своем съезде, тоже есть немало противоречий и уступок тем, кто противится разрядке. Известный телевизионный обозреватель Эрик Северайд, как и многие другие его коллеги, считает, что обе партии, республиканская и демократическая, и в этой кампании отличаются друг от друга не по существу, а лишь в частностях. Возможно, что в решающей стадии избирательной кампании столкновение личностей Форда и Картера несколько отодвинет на задний план наболевшие внутренние проблемы страны, но, несомненно, вопрос о войне и мире, вопрос о разрядке будет решающим в их борьбе за место в Белом доме.

Противоборство, происходящее сегодня между двумя силами — теми, которые выступают за разрядку, за светлый завтрашний день, и теми, которые пытаются вернуть вчерашний день истории, — накладывает свой решающий отпечаток на вступившую в завершающую фазу предвыборную кампанию в США. Человечество вправе ожидать от руководящих деятелей крупнейшего капиталистического государства благоразумия в подходе к разрядке международной напряженности, от которой зависят судьбы современной цивилизации.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ШАХТЕРСКИЙ РЕКОРД

> Повсеместную поддержку получили начатое по инициативе бригад Геннадия Смирнова, Владимира Мурзенко, Михаила Чиха соревнование за добычу не менее тысячи тонн угля в сутки из одной лавы, опыт хозрасчетного подряда бригады строителей Николая Злобина, движение за повышение производительности труда и улучшение качества продукции по примеру знатных текстильщиц Елены Амосовой, Алевтины Смирновой, Валентины Плетневой, Валентины Бобковой и других.
>
> **Л. И. БРЕЖНЕВ.**
>
> **Из доклада на XXV съезде КПСС.**

Л. ПЛЕШАКОВ
Фото А. НАГРАЛЬЯНА

ПУТЬ К ВЕРШИНЕ

Представим себе такую пирамиду. Сейчас в угольной промышленности страны работают тысячи добывающих бригад. Около пятисот из них добывают в одной лаве не менее тысячи тонн угля в сутки. Из этих коллективов-«тысячников» 64 дают по полмиллиона тонн угля за год, а три бригады — Героев Социалистического Труда, делегатов XXV съезда партии Геннадия Смирнова, Владимира Мурзенко и Михаила Чиха — более миллиона.

Три коллектива-«миллионера»— это вершина пирамиды, образец шахтерского труда, показатель того, чего можно достичь с помощью современной высокопроизводительной техники при богатом опыте, высокой дисциплине и рациональной организации работы.

Еще недавно лавы-«тысячницы» были редкостью. Теперь на их долю приходится третья часть всей подземной угледобычи страны.

«Таким образом,— говорил о них на XXV съезде КПСС министр угольной промышленности СССР Б. Ф. Братченко,— это уже не просто соревнование отдельных коллективов и передовиков, а массовое явление, вылившееся в динамичную систему научной организации труда на базе новой техники и технологии».

Пройдет время, и лавы-«миллионеры» тоже станут массовым явлением. Но сегодня, когда их всего три, опыт первопроходцев, их знания должны быть использованы теми, кто идет следом, для кого достигнутый ими рубеж не просто пример, но и перспектива. Тут важно знать не только конечный результат, но и путь, которым шли к нему.

Бригада Михаила Павловича Чиха в 1971 году добыла 600 тысяч тонн угля. В следующем — 800 тысяч. В 1973 году она перешла миллионный рубеж — 1 061 000 тонн. В 1974 году ею добыто уже 1 191 000 тонн. В прошлом году превзойдено и это достижение.

Результаты последних трех лет показательны не только потому, что они «миллионные»,— в эти годы коллектив Чиха установил три мировых рекорда по добыче угля.

Хочу обратить внимание не только на взаимосвязь между устанавливаемыми бригадой рекордами и ее годовой добычей, но и на прямую зависимость последней от наивысших достижений. Рекорд становится не только показателем способностей бригады, но и средством, помогающим коллективу войти в «миллионеры». Он этап в пути на вершину пирамиды.

ЧТО ТАКОЕ РЕКОРД!

С Михаилом Павловичем Чихом я встретился в кабинете директора шахты «Майская» Бориса Яковлевича Луганцева, который в то время был вызван на совещание в горком партии. Так что наш разговор сначала проходил один на один. Потом мы опустились на 700 метров под землю, на пятый участок, где в лаве № 510 добывает сейчас уголь бригада Чиха. Пока он разбирался со своими делами, я наблюдал работу звена, находившегося в то время в забое, знакомился с новой для меня угледобывающей техникой.

Лет пятнадцать назад здесь же, в производственном объединении «Ростовуголь» (оно тогда ходило в ранге комбината), я спускался под землю с бригадой Героя Социалистического Труда Михаила Белицкого. Через десять лет тут же по соседству, в Ворошиловградской области, я видел, как работал коллектив Александра Силкина. Прежние наблюдения давали возможность сравнивать нынешнюю вооруженность и условия труда шахтера с теми.

Когда мы поднялись на-го́ра, вымылись в душе и продолжили с Чихом прерванный разговор, то в него постепенно вступали пришедшие по делам к директору — главный технолог Владимир Степанович Пономарев, начальник участка Юрий Данилович Иевлев, секретарь парторганизации шахты Олег Дмитриевич Коваленко, а в конце и сам Борис Яковлевич Луганцев, вернувшийся из города. Замечания и приводимые ими цифры дополнили рассказ самого Чиха. Но все-таки беседа с ним осталась главным стержнем разговора о шахтерском рекорде. Иногда мы с Михаилом Павловичем уходили, как ему казалось, в сторону от избранной нами темы, и тогда он говорил:

— Но данная история не факт этого дела...— И старался вернуться непосредственно к производству.

Мне, напротив, кажется, что факты личной жизни имеют самое непосредственное отношение к его работе.

Михаил Павлович родился в украинском селе, в Донецкой области, километрах в тридцати от Азовского моря. В четыре года он остался круглым сиротой. Воспитывался у родственников, а затем в детском доме. До войны успел поработать прицепщиком и трактористом на «Универсале». Призвался на фронт в 1942-м. Был на Курской дуге. С боями прошел Украину, Польшу, Восточную Пруссию, воевал в Германии. Был ранен, контужен. Заслужил медаль «За отвагу».

После демобилизации пять лет шоферил и слесарил в Армавире на консервном заводе, пока приехавший в отпуск родственник-шахтер не позвал с собой добывать уголь в Ростовской области. В первый раз он пришел в забой 25 марта 1951 года. Так что минувшей весной у Чиха был «серебряный» юбилей его шахтерского труда. Двадцать лет из этой четверти века он проработал на шахте «Майская». Пришел сюда, когда молодое предприятие еще только приближалось к своей проектной мощности.

Чиху пятьдесят пять лет, и он уже имеет право выйти на пенсию. Но на мой вопрос, сколько еще намерен рубить уголь, ответил:

— Думаю покуда поработать...

В своей бригаде он, конечно, ветеран. И, разумеется, привнес в ее работу многое из своего жизненного и трудового опыта. Но тут немало таких, у кого за плечами лет по 13—15 не просто шахтерского стажа, а труда именно в бригаде Чиха. Это — обстоятельство, немаловажное для успешной работы на повышенных нагрузках. Сейчас горнорабочий — это, как правило, механизатор, управляющий стругом, гидравлической крепью, транспортером и другой сложной горнодобывающей техникой, требующей не только знаний, которые дает ПТУ, но и мастерства, опыта. Они добываются годами упорного труда.

Но для рекорда мало даже этого.

Я спросил Чиха:

— Когда вы решили идти на рекорд, что было главным в подготовке к нему?

— Все было главным. И подготовка техники, и выбор мощной лавы, и организация работы всей шахты с таким расчетом, чтобы наша бригада могла установить рекорд. Ну и, конечно, специальная подготовка людей.

— Но ведь устанавливала рекорд ваша бригада. Какая ей требовалась подготовка?

— Нет, не только моя. Когда идешь на рекорд, нагрузка на лаву возрастает более чем в два раза. Обычно наша бригада дает около трех с половиной тысяч тонн угля в сутки, во время рекорда превзошли восемь тысяч. С таким потоком угля не может справиться обычное число людей. У человеческих сил тоже есть предел. Поэтому вместо обычных трех смен по семь часов при рекорде организуем четыре шестичасовых. Недостающих людей берем из других бригад.

— И те дают?

— Конечно. При этом самых опытных. Рекорд — общее дело шахты, от людей зависит успех, поэтому с каждым кандидатом в рекордсмены директор, секретарь парткома, председатель шахткома и я, бригадир, предварительно беседуем, спрашиваем, как чувствует себя, сможет ли выдержать месяц напряженного труда. Если человек согласен, зачисляем.

— А если нет?

— Значит, нет. Никаких обид и упреков. Рекорд — дело серьезное. Тут не может быть места для мелкого личного тщеславия, потому что речь идет о престиже не только бригады или шахты, а о престиже всей угольной промышленности страны. Да и главная цель его вовсе не в том, чтоб получить право когда-то козырнуть: вот, мол, как мы умеем работать.

— А с чего он начинается?

— Сначала моей бригаде готовят лаву. В угольном поле нарезается прямоугольник длиной полтора километра, шириной 250 метров. В этом, как у нас говорят, ярусе при нашей мощности пластов залегает примерно около 700 тысяч тонн угля. Разрезают лаву, монтируют ленточные транспортеры, электрические, масляные, водяные и воздушные коммуникации — все, что необходимо для работы людей и механизмов; монтируют струг, гидравлическую крепь, скребковый транспортер — более 300 тонн металла только в забое — и лава готова к добыче. Теперь наступает наша очередь.

Когда еще нарезали лаву, оконтуривали прямоугольник,— горняки говорят: столб, можно было определить ее примерное геологическое строение — велика ли прослойка породы, где уплотнение пласта, не будет ли «геология» мешать скоростной работе, и что необходимо предпринять, чтобы помехи были незначительны.

Если все в порядке, шахта начинает готовиться к рекорду.

— **Вся шахта?**

— Конечно. И не только наша шахта, а и еще много людей, так или иначе связанных с добычей угля.

Представьте, плановая суточная добыча всех четырех бригад «Майской» — 6200—6500 тонн угля. На такую нагрузку рассчитаны все наши наземные и подземные службы. Наконец, железная дорога, которая подает нам порожняк.

Когда наша бригада идет на рекорд, то к ее восьми с лишним тысячам тонн прибавляется еще добыча и трех других лав. Поток угля чуть ли не удваивается, и если ленточные конвейеры, вагоны, опрокид не смогут его равномерно отправлять, случится затор, мы вынуждены будем остановиться. Тогда никакого рекорда, никакой повышенной добычи не будет. Значит, все подземные и наземные службы «Майской» в этот месяц должны работать тоже в ускоренном ритме, по заранее рассчитанному жесткому графику. Чтобы добывающая техника не подвела в трудную минуту, нужно увеличить запас прочности всех узлов. Это тоже самой бригаде не по плечу: техника сейчас настолько сложная, что простой рационализацией многого уже не достигнешь. И на помощь нам приходят ученые, конструкторы, наконец, машиностроительный завод, изготовивший наш комплекс.

После смены.

В кругу семьи: Михаил Павлович, его жена Любовь Алексеевна, дочь Галина и внучка Инна.

— **И когда вы подготовили все необходимое, тогда и...**

— Тогда и начинается... пробная суточная рекордная добыча. Она позволяет проверить согласованность всех служб, надежность всех механизмов и оборудования.

После такого испытания мы устраняем все выявленные недоделки — и только тогда идем на рекорд.

ЗАЧЕМ НУЖЕН РЕКОРД

— Я думаю, Михаил Павлович, не всем ясно, что дают высшие достижения угольному производству вообще, вашей шахте, членам бригады и, в частности, вам лично. Я имею в виду не сиюминутный их результат: славу, почет, или, скажем прямо, высокий заработок, что само по себе тоже имеет значение,— хочется знать о более отдаленном их воздействии.

Вот окончился рекордный месячник, и на следующий же день в лаву спускается уже не четыре, а три звена, и суточная их добыча составляет не восемь с лишним, а три с половиной тысячи тонн. Все вернулось как бы на круги своя. Зачем же было тратить столько усилий?

— Могут подумать, столько «напрасных усилий»?

— Нет, не напрасных, а как бы это точнее выразиться... незаконченных, что ли... Для чего рекорд, если на таком высоком уровне нельзя работать все время? Или: если удалось давать такую высокую добычу в течение двадцати пяти рабочих дней, почему не сделать ее нормой для каждого месяца года?

— Если легкоатлет пробежит сейчас сто метров за 9,8 секунды и тем самым установит мировой рекорд в спринте, разве мы станем требовать, чтоб с этой минуты он бегал только с такой резвостью? А если он не может этого сделать, неужели от этого принизится значение его высшего достижения?

— **Там спорт, здесь производство.**

— Это так, и моя аналогия, разумеется, условна. А привел ее только для того, чтобы на этом сравнении было проще следить за дальнейшим ходом мысли.

К своему высшему достижению спортсмен готовится многие годы. Он усиленно тренируется, отрабатывает технику, использует опыт других спортсменов, устанавливает для себя жесткий режим жизни. Ему помогают советами тренер, врачи, друзья. Долгий, изнурительный труд ради того, чтобы однажды промчать стометровку на мгновение быстрее десяти секунд. Может случиться, что больше он никогда не пробежит эту прямую так быстро, но он уже не сможет показывать и очень низкий результат. Техника, обретенная в тренировках, сила, умение раскладывать ее на дистанции, наконец, опыт борьбы — все это останется при нем и после финишной ленточки. Они будут ему помогать и в следующий, в десятый, и в двадцатый раз...

Так и мы. Да, ни люди, ни машины не могут долго работать в рекордном режиме. У всех есть предел возможностей. (И спортсмена никто не заставит бежать со спринтерской скоростью марафон.) Но если мы отдаем рекорду все, на что в данное время способны, то и он отдает нам без остатка все, что приобретено нового во время его установления.

Например, для надежности мы заменяем на своем агрегате мотор мощностью в тридцать два киловатта на мотор в пятьдесят пять киловатт. Он работает хорошо при самых высоких наших нагрузках, экономит время на ремонте. Но ведь он останется у нас и после рекорда и будет выручать нас и дальше. А узел, который не выдержал нагрузку, мы предложим заменить, переконструировать, усилить.

Или взять такую сторону дела.

Чтобы не было сбоев, мы дублируем все коммуникации, подходящие к лаве: воду, масло и электроэнергию. Разумеется, несколько растут затраты, но зато нет простоев из-за поломок, ремонта. Переход с одной линии на другую практически не требует времени, поток угля идет беспрерывно, и стоимость дополнительной добычи перекроет все наши страховочные [redacted]ы. Этот опыт тоже останется при нас.

Или вот организация труда. Если мы находим оптимальную схему работы всех служб шахты, которые обеспечивают рекорд, и эффективный способ расстановки в лаве людей, устанавливающих этот рекорд, и все это дает нужный нам результат, то, естественно, этой схемы и этого способа мы будем придерживаться и дальше. Зачем же отказываться от хорошего?

Так что вернуться к прежней выработке после рекорда мы не сможем — станем добывать угля больше, ибо знаем, что и как нужно для этого сделать.

Вот что дает рекорд бригаде.

Должен сделать небольшое отступление, чтобы дополнить рассказ М. П. Чиха фактами и цифрами, которые мне сообщили не только на шахте, но и в объединении «Ростовуголь», в Ростовском обкоме партии и в Министерстве угольной промышленности.

На базе шахты «Майская» с 1970 года работает Всесоюзная постоянно действующая школа передового опыта. Там любое из достижений коллектива Чиха может перенять каждый. Невольно напрашивается вопрос, почему же другие бригады даже с этой шахты пока не сумели подойти к такой же высокой выработке. Может, у них условия хуже? Я задал этот вопрос директору Б. Я. Луганцеву.

— Условия у всех наших бригад, примерно, равные. Правда, у Чиха подлиннее лавы, побольше численность бригады, коллектив этот сработался, закалился в труде. Мастерство у членов его бригады выше, аварийность механизмов ниже, да и аварии ликвидируются быстрее. Сейчас у него горно-геологические условия хуже, чем у других. Но если бы нам удалось все-таки добиться идеального равенства для всех, уверен, и тогда Чих оказался бы впереди. Могут ли догнать его три остальные наши бригады, работающие в общем-то отлично? Думаю, что в ближайшее время нет. Они из года в год повышают добычу, идут вперед. Но и он не стоит на месте.

— **Может быть, ему достается лучшее оборудование, и это повышает производительность?**

— С техникой мы никого не обижаем. Хотя, конечно, стараемся Чиху давать новинку в первую очередь. Потому что его бригада быстрее освоит ее и эффективнее будет использовать, и в этом заинтересована уже вся шахта...

— **Поясните, пожалуйста, почему...**

— Угледобывающий комплекс 1 МКС становится рентабельным только при нагрузке триста тысяч тонн угля в год. Его стоимость раскладывается на стоимость каждой добытой тонны угля, поэтому чем больше нагрузка на комплексе, тем дешевле уголь. Если на других участках добыча тонны антрацита обходится в два рубля шестьдесят копеек, то у Чиха — всего в один рубль семнадцать копеек.

Спросил я Бориса Яковлевича и о влиянии рекорда на дальнейшую работу шахты.

— После повышенной добычи шахта к прежнему результату тоже не возвращается. Пять лет назад «Майская» давала четыре тысячи тонн угля в сутки, имея по 6 — 8 лав. Теперь всего четырьмя бригадами мы даем около семи тысяч.

— **Таким образом, можно сказать, что вся шахта работала на рекорды Чиха, теперь эти рекорды работают на шахту?**

— И не только на шахту: ведь наш опыт перенимают другие предприятия...

Итак, последнее. Из года в год бригада М. П. Чиха увеличивает добычу. С нею растет и производительность труда каждого шахтера. Явление это можно рассматривать с разных точек зрения и видеть в нем множество аспектов. Хочу коснуться только одного. За прошлую пятилетку в объединении «Ростовуголь» численность рабочих, занятых добычей угля, сократилась с 44 233 человек до 36 721. В масштабах страны рост производительности труда позволил за тот же срок высвободить с тяжелых работ 120 тысяч горняков. А ведь угля за это время мы стали добывать больше.

Мы научились его добывать меньшими людскими силами, передав еще одну часть человеческого труда машинам и более разумной организации рабочего процесса.

Теперь труд шахтера стал намного легче прежнего. Но он не стал легким. Всего пятнадцать лет назад я видел, как шахтеры вручную крепили кровлю деревянными стойками. Теперь в лаве Чиха это делала мощная гидравлическая крепь, которая сама двигалась по забою, надежно держала кровлю, человек только руководил послушной машиной. И все равно условия труда остались тяжелыми. В «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы» сказано: «Усилить научно-исследовательские, конструкторские и экспериментальные работы по созданию средств безлюдной выемки угля».

Как знать, может быть, бригада Чиха будет первой испытывать это новое оборудование. Возможно также, что этой чести удостоятся другие. Но даже и тогда справедливо будет признать частицу труда чиховского коллектива в этой большой работе, своими рекордами они прокладывали дорогу новой технике и показывали, на что способны люди, овладевшие ею.

Гор. Шахты, Ростовской области.

идет жатва

УДАРНЫЙ НАМОЛОТ

Николай БЫКОВ

В сех советских хлеборобов всколыхнуло горячее и ответственное решение кубанцев продать государству в первом году пятилетки 4 миллиона 400 тысяч тонн зерна. Это значительно превышает установленный объем закупок и принятые ранее обязательства.

Я знаю кубанцев. Знаю, как взвешивают они в большом государственном разговоре каждое слово. Как зерно на ладонях. Я знаю мастеров рекордных урожаев в степях Усть-Лабы, Тимашевска, Курганинска, Ейска, Адыгеи. Среди них и комбайнер Владимир Панчук из колхоза имени Ильича, Ленинградского района, Краснодарского края. Его портрет на обложке журнала... Такие, как он, задают тон.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев отозвался на письмо-клятву хлеборобов Краснодарского края сердечными словами:

«Это яркое свидетельство того, что трудящиеся Краснодарского края конкретными делами поддерживают экономическую политику партии, принятую на XXV съезде КПСС, стремятся ознаменовать первый год десятой пятилетки крупным вкладом в дело успешного ее осуществления».

Пример кубанцев увлек украинских хлеборобов, комбайнеров и шоферов Российской Федерации, среднеазиатских республик и Казахстана. И каждый день страна узнавала новые имена героев жатвы-76: делегат XXV съезда КПСС, Герой Социалистического Труда А. Иванец из Николаевской области; херсонские хлеборобы П. Стрежук и В. Матковский; И. Веревкин из Кабардино-Балкарии, Герой Социалистического Труда из Запорожской области В. Воронин...

Жатва — праздник, но это праздник труда. А труд самоотверженный, на совесть, никогда не бывает легким. Нынешней жатве погода противопоставила свои капризы. Вся страна знает имя ростовского комбайнера, Героя Социалистического Труда Николая Васильевича Бочкарева; он и его товарищи по уборочно-транспортному звену сделали рекорд на косовице и подборке валков нормой страдных будней. И в этом году бочкаревцы идут впереди. Но каждый метр, каждый гектар даются с трудом. Тучи над степью то и дело обрушивались ливневыми дождями, валки были тяжелыми не только от полновесных колосьев, но и от неурочной влаги. И все звено Н. В. Бочкарева из ростовского совхоза «Московский» сдержало слово: вместо 65 тысяч центнеров зерна отгрузило с убранных полей на тока 67 000 центнеров. Комбайнеры намолотили на каждый комбайн по 16 тысяч 600 центнеров зерна.

Рекорд в сельском хозяйстве не самоцель, а пример, зовущий вперед.

И у кубанцев, и у ростовчан, у всех героев южной жатвы есть десятки, сотни последователей во всех областях, где разворачивается битва за хлеб. Земледельцы Волгоградской области, например, обязались продать 4 миллиона 250 тысяч тонн зерна. Они уже засыпали в закрома государства более двух миллионов тонн.

Высокой оценки ЦК КПСС заслужили трудовые достижения бригад водителей автомашин Северо-Кавказского транспортного управления И. Т. Ярошенко и В. Н. Носачева. Перевозки зерна — важный этап на пути к победе. И тут у гвардейцев степных дорог много жарких последователей.

Сроки уборки спрессовали дни августа до предела! Время не ждет. Гудят день и ночь моторы механизированных токов, индустриальных цехов степных колхозов и совхозов. Солнце жатвы вопреки законам астрономии склоняется к восточным нивам нашей необъятной Родины. Растут весомые прибавки к первоначальным хлебным планам. Растут цифры обязательств — будут расти и хлебные курганы.

Принимает страна ударный намолот!

ПЕСНЯ В ПОЛЕ

—Шире круг! Чтоб всем было видно! — Это относится к зрителям, и они послушно отодвигаются. «Сцена» расширилась. У артистов из агитбригады Дома культуры почти все готово. Парни потуже подтягивают мягкие сапожки выше колен, поправляют кинжалы на поясе; девушки прикалывают легкие накидки к волосам; последний взгляд в зеркало — и на выход.

Аминат Черевханова исполняет на кумыкском языке «Песню комбайнеров». Ее сменяет Багодур Абасов. Подыгрывая себе на кумузе, он поет на аварском песню «Моя мечта».

...На краю поля совхоза «Коммунизм», Хасавюртовского района, мы смотрим выступления самодеятельных артистов многонационального и многокрасочного Дагестана... Народы более тридцати национальностей и этнографических групп населяют этот край. Говорят здесь на сорока языках. Теперешний маленький праздник в совхозе на редкость точно отразил своеобразие жизни республики.

На полях плодоовощного хозяйства трудятся рядом кумыки и даргинцы, русские и чеченцы, лезгины и аварцы... Директор совхоза Темир Сатувов показывает плантации. Рекордным будет урожай нынешнего года.

А сами молодые рабочие на концерте уже ладони поотбивали, аплодируя танцам Айзанат Рамазановой и Саид-Ахмеда Сатаева.

Директор поглядывает на часы: обеденный перерыв на исходе. Все, передышка окончена. Скорей, скорей! И опять только успевай нагружать ящики. В ритме труда на плантациях оживает только что звучавшая лезгинка. Руки проворно срывают и укладывают, срывают и укладывают сочные плоды...

А маленький голубой автоклуб, мелькнув на краю плантации, отправился к соседям.

Таких агитбригад в страдную пору колесит по Дагестану немало. В горячие дни уборки жарко и работникам культуры: за десять дней дают по сорок концертов; в каждом районе выпускают «боевые листки» о работе хозяйств. В нескольких райкомах партии я видела графики, где расписано по дням и часам, кто, где и когда выступает, куда направляется маленький автобус, полный песен и музыки. И его пассажиры не только актеры...

Певцы и танцоры на плантации люди не случайные: многие из них — рабочие совхоза. Но односельчане давно заметили их талант, — они запевалы, заводилы и у себя дома. Многие отмечены на районных и республиканском смотрах самодеятельности. В агитбригады попадают самые лучшие.

...В совхозе «Кизлярский», славящемся самым сладким виноградом — «пино-гри» и «мускатель», шла подвязка винограда. Рядом трудились и «актеры» и будущие их зрители. В обеденный перерыв был концерт, и какой! Немало номеров на местную тему: хлестко высмеивали лодырей. Смеху было много! А потом полилась лирическая песня.

...Снова дорога, теперь в горы, на летние пастбища. Каждая встречная машина приветствует нас гудком: «Счастливого пути!»

Заканчивается вечерняя дойка... Выпив по стакану парного молока, наши артисты приступают к концерту. Вот тут-то я и услышала Марьям. Голос сильный, открытый, и сколько же в нем чувства!.. Руки то высоко поднимаются с бубном, то тихо ударяют в него. Замерли горы, глядя в озеро, замерев, сидят доярки и чабаны. Унесла их родная аварская песня далеко, напомнила колыбельные песни матерей; вспомнили они своих любимых... Марьям Магомедова — художник в народном театре Ботлихского Дома культуры, заслуженный работник культуры ДАССР. У нее семья, трое детей. Но по первому зову едет она выступать. Едет в жару, в холод, часто ночует в пути, завернувшись в бурку. Вот и сегодня мы далеко от ее дома. Горит костер, варится ужин в котле. Отдохнули, и снова песни. И опять всех захватила лезгинка. Помните у Расула Гамзатова: «И, взбив папаху, акушинец кидался в танец, как в огонь»...

Наталья БУМАГИНА

Любимцы публики — Айзанат и Саид-Ахмед.

Фото Ш. Шубаева.

Карло Кривелли.
Упоминается с 1457.
Умер в 1495.
МАДОННА С МЛАДЕНЦЕМ.
Начало 1480-х годов.

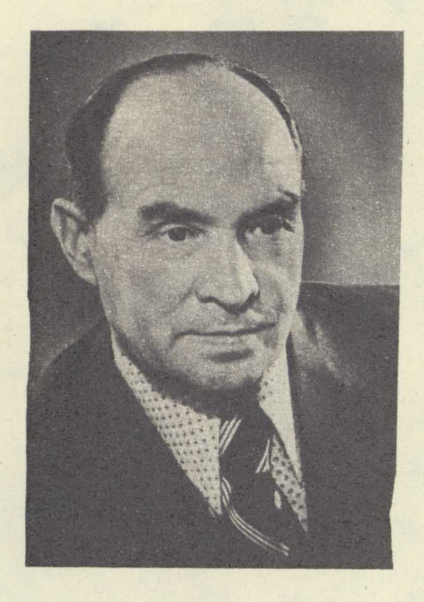
Музей Метрополитен. Нью-Йорк.

Лукас Кранах Старший. 1472—1553. ЮДИФЬ С ГОЛОВОЙ ОЛОФЕРНА. Начало 1530-х годов.

Музей Метрополитен. Нью-Йорк.

...ГОРЯЧАЯ ЖИЗНИ КРУПИЦА

Михаил **ЛЬВОВ**

•

Было — не было такое:
Ай-река. Село Лаклы.
С братом едем мы в ночное...
Возникает конь из мглы.

А гадала мне цыганка,
Что женюсь «на городской»?
За «гаданку»
ей буханка —
Хлеб пшеничный, не ржаной.

Буду жить «в казенном доме»
С городской своей женой!
...А пока я на соломе
Сплю, укрывшись с головой.

И мечтаю: взрослым стану.
Пятистенную избу
Во дворе у нас поставлю,
По наличникам — резьбу!

Десятин земли с десяток,
Двадцать сытых лошадей...
Чтобы в доме был достаток,
Чтоб не стыдно от людей...

Заимею — по корану —
Четырех красивых жен...
Полюблю иль покараю,
Непокорностью взбешен...

В той деревне доколхозной,
В той — до радио —
я рос,
По-старинному серьезной,
Но уткнувшей в землю нос.

Как случилась-получилась
Вся дальнейшая судьба?
Кем я стал, скажи на милость,
Кто мне критик,
кто судья?

Стал крестьянин
«кабинетный»,
А в деревне
я в гостях...
В путь я
вышел
кругосветный,
Поднимаю
стих,
как стяг,
Я, татарин
стопроцентный,
С русской речью
на устах.

КАДР В ПРОГРАММЕ «ВРЕМЯ»

У Комсомольска-на-Амуре,
На БАМе
вырос новый мост,
По шпалам —
по клавиатуре
Прошел победно
тепловоз.
Дорога юная
запела
В две голубых
стальных струны,
И повторяют
миг
запева
Все телевизоры
страны.

•

Если б только жива была
мама моя —
Я бы стал гениальным поэтом.
(Из стихов о матери.)

Прочитала ль в стихах то,
чего там и нет,
И строка
ее сразу
«сразила».
— Разве вы теперь
не гениальный поэт? —
В Пятигорске
студентка спросила.
Ах ты, юное сердце!
Ребенок!
Душа!
И понятья пока
изначальны —
Если строчка
хотя бы одна
хороша,
Для тебя
мы уже
гениальны...
Я давно уже
так высоко не беру
И не целю
в подобную дальность.
Оставляю
я
юношам
эту игру.
Краткий сон
про свою гениальность.
Для меня нынче
жизнь гениальна сама.
Я горячая
жизни крупица,
Той, что жжет нас,
и кружит,
и сводит с ума,
Если
сердце у нас
не тряпица.

ПОСВЯЩЕНИЯ

— Зачем так много посвящений?
— Я благодарный ваш певец.
— Зачем так много восхищений?
— Без восхищений я мертвец...

Должна быть жизнь друзей
воспета,
Не надивлюсь. Не налюблюсь,
И вновь до самого рассвета
Стихами жизни я молюсь.

Я слышу рифмы
в речи ежедневья,
В автобусе
замечу красоту.
Еще
мои не кончились кочевья.
Рванусь в сады
и в степь. В Алма-Ату.
Что вижу — принимаю,
как подарок,
Как жизни
дополнительный паек.
Смотреть
из-за ворот,
как из-под арок,
Я мог бы,
мог усесться на порог,
Но так влечет
пленительность движенья,
Наглядность мира,
жизни и земли
И это
изумительное жженье —
В душе, в себе —
восторга и любви.

Нельзя разрешать
озлобленью
Рычать на любимых.
Прости.
Нельзя позволять
разлюбленью,
Как снежному кому,
расти.
Ведь это
как будто бы выключить
Из сердца
и жизнь и восторг,
Как лодке —
на ярости —
выскочить
На камень —
и гибнет мотор.
Я это с трудом
постигаю,
Стихая от ссоры
с трудом.
И после себя
настигаю
Бессонною ночью
судом.
Нельзя позволять
озлобленью
Командовать нами
в быту.
Нельзя допускать
разлюбленье,
Как будто души
нищету.
Нельзя, чтоб погасло вдруг
зренье
И хлынула внутрь
темнота.
А надо,
чтоб все в нас светилось —
При взгляде на милых —
всегда.

МОНОЛОГ КОМАНДИРА ПОЛКА ИЛЬИ ВЕРГАСОВА

Я был убит седьмого мая —
До Дня Победы за два дня.
В атаке пуля разрывная
Разорвалась внутри меня.
Сойдясь с противником вплотную,
Часть продолжала
ближний бой.
Я пал на землю неродную,
По всем приметам, неживой.
Но, видно, крепкое созданье,
Я был убит
не на века.
Я был семь суток
без сознанья.
Врачи спасали комполка.
Светила добрые науки
Отстаивали жизнь мою.
И оживляли вновь их руки
Меня, убитого в бою.
Не веря в свой исход
летальный,
На зыбкой грани бытия
В палате белой госпитальной
Парад Победы слушал я.
...Флажки за окнами летучи.
Под светлым сводом потолка
В своей трагедии,
как в туче,
Лежит на койке комполка.
...Хоть все положены заплаты,
Не вся опасность позади.
Я вышел в мир
из той палаты
С войной,
оставшейся в груди.

«Изнеженное поколенье» —
Кого-то называли так.
«Изрезанное поколенье» —
Нас называть бы можно так.
Все тридцать лет
после Победы,
Как дома,
мы в госпиталях;
Солдаты,
маршалы,
поэты
С осколками войны в телах.
Для всех —
похожие палаты,
И только разные врачи.
Войны великие солдаты
Горят, как огонек свечи.
Когда-то яростные боги,
Подводят медленно итоги
На хирургическом столе,
На непривычном костыле.
Такие сильные на свете,
Порою плачут по ночам.
И подчиняются, как дети,
Медсестрам нежным и врачам.
И подставляются исправно
Под шприцы
или под лучи,
Неудержимые недавно,
Неуязвимые почти.
Не спирт глотают —
витамины,
Целуют с детскою душой
Святые руки медицины,
Как руки матери родной.
За все деянья их когда-то
Как будто ангелы сошли
К ним —
в белом облаке халатов,
К ним — к верным воинам земли.
И Справедливость побеждает,
Как в сказке,
и на этот раз,
Нас медицина возрождает
И возвращает к семьям нас.

Фото В. Петрусовой

ЗДРАВСТВУЙТ

В. АРДАМАТСКИЙ

ртистическое будущее ей напророчил знаменитый в свое время актер-трагик Илларион Певцов.

Был в 1915 году под Москвой, в Малаховке, летний театр. В спектаклях выступали звезды московского Малого и других прославленных театров России: Илларион Певцов приезжал играть центральную роль клоуна в спектакле «Тот, кто получает пощечины», а она в этом спектакле была занята в массовке — договор с театром на 20 рублей в месяц со своим гардеробом. Однажды, волнуясь, она спросила у Певцова:

— Что же мне делать на сцене, когда у меня нет ни одного слова?

— Поставь перед собой какую-нибудь задачу,— сказал Певцов, рассматривая худющую, высокую

Е, ФАИНА ГЕОРГИЕВНА !

рыжеватую девушку с некрасивой, но оригинальной, чем-то очень интересной внешностью. Притягивали взгляд ее большие зеленые глаза. Ей было 19 лет. Она ушла из дома, чтобы стать артисткой.

— Но какую же я могу ставить задачу, если у меня роль без слов?

Певцов улыбнулся:

— Какую? Очень простую. Например, что ты меня любишь, мои страдания доставляют тебе боль, горе...

Шел спектакль. Она играла в массовке свою самоотверженную любовь к страдающему клоуну. Когда действие приблизилось к трагической развязке, она так вошла в роль, что неутешные ее рыдания остановить нельзя было и после того, как дали занавес.

Певцов узнал, что какой-то молодой актрисе стало плохо. Он прибежал в гримировальную комнату статистов. Там, окруженная своими подругами, рыдала та смешная, неуклюжая девушка.

— Что с тобой? — спросил Певцов.

— Я так любила вас! Я так любила...— ответила она. И снова залилась слезами.

Взволнованный Певцов сказал присутствующим:

— Ну, барышни, она станет настоящей артисткой! Вспомните мои слова!

Сейчас она народная артистка СССР, ее имя — Фаина Георгиевна Раневская.

О ней очень трудно писать. Безгранично интересно ее слушать. Чем больше слушаешь, тем труднее писать. От нее не услышишь закругленных высказываний об искусстве, как это умеют делать иные ее коллеги, облегчающие тем труд корреспондентов. Раневская же постоянно во власти ассоциаций. О чем бы ни шел разговор, она может повернуть его на сто восемьдесят градусов, от одной темы к невероятно иной, перевести из одного времени в другое. Высоко и разносторонне образованный человек, она любит и знает живопись, поэзию, литературу и обо всем имеет свое прочное мнение. Все это обретено по ходу большой ее жизни, в которой она всегда была той любознательной девушкой, ни в чем не похожей на других, иногда наивной, всегда горячо увлеченной искусством, с большими глазами, жадно ждущими познания Человека.

Это привлекало к ней сердца многих, очень разборчивых на дружбу людей. В молодости она была дружна с Мариной Цветаевой и Максимилианом Волошиным, впоследствии — с Анной Ахматовой, Василием Качаловым, Галиной Улановой, Борисом Пастернаком... Она была в добрых отношениях с Алексеем Толстым, который очень высоко ценил ее талант. Все эти и многие другие люди дарили ей свою дружбу и глубокое уважение, получая взамен ее доброе, но не добренькое сердце, которое она щедро раздавала и раздает. И еще ее ум — острый, разносторонний, иронический, точно схватывающий все подлинное и бескомпромиссно отвергающий всякую фальшь.

Шестнадцать лет своей артистической жизни Раневская провела в так называемых провинциальных театрах России. В так называемых потому, что в этих театрах было немало выдающихся артистов, которые, по мнению Раневской, могли бы украсить любую столичную сцену. Они часто не были отмечены ни громкими званиями, ни даже похвалами театральных критиков, но обладали драгоценнейшим даром высокой, самоотверженной и преданной до последнего дыхания любви к театру. Этому у них училась Раневская. Это вошло в ее сердце навсегда.

Сейчас она выходит на сцену до обидного редко; жалуется на наших драматургов, не написавших для нее ни одной роли в современном репертуаре. Но как же она ждет тот заветный день, когда выходит на сцену! Как она к нему готовится, и какие молодые у нее глаза, когда она в тот день — за два часа до спектакля! — уходит в свой театр...

Когда мы заговорили однажды о провинциальных театрах, где началась ее актерская жизнь, эти глаза вдруг затуманились воспоминаниями, и она тихо сказала:

— Боже мой, какие там были таланты! Какое подвижническое трудолюбие! Какая ответственность перед зрителем... И какая щедрость в отдаче своих сил! И как любила их публика!..

Встретил ее однажды крайне расстроенную после спектакля:

— Приезжаю сегодня в театр, иду гримироваться, собранная, сосредоточенная, и вдруг слышу из раздевалки оживленный, деловой голос молодой актрисы: «Как ни вылезаю из кожи, дубленку достать не могу...» — Добавила грустно: — Не знаю, чему их учат в наших театральных школах...

Публика полюбила Раневскую давно, еще в пору ее работы в провинциальных театрах. Увы, поколение тех ее поклонников уже ушло. Но, как свет давно исчезнувшей звезды, до нее и сейчас доходит тепло той любви. Да, ее помнят. Любят, помнят и в Таганроге, в городе Чехова, где она родилась...

Раневская смеется:

— Помнят разве только рекордные долгожители...

Но она взволнована, хотя и хочет это почему-то скрыть.

Смотрю ее библиотеку. Она не так уж многокнижна, но могу поручиться: ни одной нестоящей книги здесь нет. И видно: книги читаны-перечитаны.

— Разве это библиотека...— машет Раневская.— Так... следы моего любопытства.

Это любопытство ко всему, что мы называем богатством мировой культуры, что стало для нее той растянутой на всю жизнь академией познания. Вспоминая, как еще до революции она приехала работать в Керчь, вдруг оживляется:

— Город оказался необычайно интересный. Как раз в то время там велись археологические раскопки, и я бегала смотреть «остатки» Древней Греции. И захотелось об этом прочесть все что можно...

Она и сейчас читает, читает, читает. Редкость — застать ее дома без книги в руках. «Чтобы быть артистом, надо знать невообразимо много» — это ее кредо.

На сценах различных театров Раневская сыграла множество ролей. И каждую, даже самую незначительную, играла с такой полной душевной отдачей, что до сих пор помнит их все, может показать их, может подробно рассказать содержание всей пьесы.

Я спросил у нее, кого она считает своим педагогом, учителем, пример с которого она брала. Не задумываясь, ответила: замечательную актрису, ученицу великих Давыдова и Комиссаржевской Павлу Леонтьевну Вульф.

В трудную минуту, набравшись храбрости, молодая Раневская пришла к ней однажды домой и попросила помочь советом. П. Л. Вульф отдала ей свою роль, которую не сочла для себя достаточно интересной, роль из пьесы, шедшей в то время во многих театрах. Сначала она предложила Раневской приготовить одну из сцен и показать ей, затем стала заниматься с молодой актрисой, найдя ее очень способной. Впоследствии Раневская играла эту роль с большим успехом, и это был ее первый замеченный всеми успех.

А потом была дружба двух актрис в течение десятилетий, та особая дружба одинаково преданных искусству людей, когда каждый необходим другому. И если Певцов предсказал Раневской артистическое будущее, то Вульф дала ей возможность сделать в это будущее первый заметный шаг.

В театрах столицы Раневская сыграла не так уж много ролей. Спектакль «Патетическая соната» в Камерном театре был ее дебютом в Москве и заставил о ней говорить. «Васса Железнова» в Театре Красной Армии, «Лисички» в Театре имени Маяковского, «Деревья умирают стоя» и «Игрок» по Достоевскому в Театре имени Пушкина, «Шторм», «Странная миссис Сэвидж» и «Дальше тишина» в Театре Моссовета... И каждая роль, сыгранная ею, становилась крупным событием в театральной жизни. Ее знают и любят, ее всегда хотят смотреть. На спектакль, где она играет, трудно достать билет.

Но всенародную известность Раневской — выдающейся театральной актрисе — принес кинематограф. Хотя и в кино Раневская сделала не так уж много. Сниматься ее приглашали много-много раз, но согласие она давала очень редко. Снова все решала исключительная требовательность к себе, ко всему, что она делала в искусстве.

...После небольшой роли мадам Луазо в «Пышке» ей поручена в фильме «Мечта» сложнейшая роль. Обе роли сыграны великолепно, а последняя стала одной из ярчайших актерских удач в нашем кинематографе.

Но Раневская говорит задумчиво и сердито: «Того, что я хотела, мне сделать не удалось...» И не пытайтесь с ней спорить. Действует в ее сознании, в ее душе некий неусыпный художественный самоконтроль, и его оценки для нее непреложны.

Однако я спросил ее:

— Какой же ролью в кино вы были довольны больше?

Она улыбнулась:

— Представьте себе, маленьким эпизодом в фильме «Александр Пархоменко» режиссера Лукова, где я играла крошечную роль таперши в кабаке, бывшей дамы общества. Полуголодная, претенциозная, жалкая, она пела жестокие романсы, аккомпанируя себе на пианино. Но роль была слишком мала, чтобы сказать все, что я хотела сказать об этом отброшенном жизнью человеке...

Я слушал, смотрел на нее и вспоминал другие ее работы: мачеха в фильме «Золушка», попадья в «Думе про казака Голоту», мамаша в «Свадьбе» по Чехову. Вспомнил ее гениальную Маньку в спектакле «Шторм», блестящее исполнение чеховской инсценировки «Драма» — это было снято для телевидения. И, конечно, роль гадалки, сыгранную ею по просьбе Сергея Михалкова в «Фитиле». Она импровизировала на заданную тему, сочинила сама свою роль и гомерически смешно, с блеском сыграла ее. Трудно представить, что такие различнейшие, контрастные роли создала одна и та же актриса!

Обидно, что и в кино Раневская сделала гораздо меньше, чем могла и чем хотела. Видно, наши театры и киностудии настолько богаты талантами, что не могут достойно их использовать.

Фаине Георгиевне Раневской исполняется 80 лет. И она работает. Как всегда, за два часа до начала спектакля отправляется в театр. В пьесе «Дальше тишина» у нее главная роль. Это не лучшая переводная пьеса, сентиментальная, рассчитанная, пожалуй, на неискушенного зрителя. Но большие актеры — Раневская и Плятт — талантом своим сделали из этого спектакля событие.

Заканчивается спектакль, и Раневской из зала бросают цветы, кричат «Спасибо!». Люди благодарят за сделанное им добро...

Здравствуйте, Фаина Георгиевна, и продолжайте дарить добро людям!

СЕЛЬСКИЕ КАН

Фоторепортаж
Михаила САВИНА

Счастливая пора — каникулы. Только ведь уже кончаются они, и вот-вот прозвенит звонок, призывающий в классы. Учебники и ранцы, запрятанные было на антресолях, торжественно извлекаются оттуда. В магазинах «Школьник», все лето малолюдных, выстраиваются длинные очереди за тетрадями... А ребята еще полны радостных воспоминаний о пионерских лагерях, о сельском просторе. Как там хорошо! Вместо прокаленного камня городских домов — легкие коттеджи или палатки, вместо шумных улиц — тихий благоуханный лес, вместо асфальта под ногами — ласковая земля. И, что греха таить, маленькие горожане немножко завидуют своим сельским сверстникам: они-то круглый год живут здесь, и в школу тут ходят, и в пионерлагерь им ехать не надо.

Ехать, конечно, не надо. Куда и зачем уезжать от летней деревенской благодати! Однако с каждым годом все больше и больше сельских школьников отдыхают именно в лагерях. Так было и нынешним летом.

Есть на Рязанщине Шиловский район. Прекрасные места: серебряная ширь Оки, медвяный запах заливных лугов, светлое кружево рощ. Здесь при школах созданы лагеря. Вот два села — Ерахтур и Инякино. Тут тоже есть такие лагеря — труда и отдыха. Как видно по их названию, веселый летний отдых сочетается у ребят с посильным, необременительным трудом. Несколько часов в день младшие школьники были заняты сбором лекарственных растений и прополкой. Дети постарше убирали сено, помогали готовить обед для взрослых, работающих на полях колхозов имени Красной Армии — в Ерахтуре и «Доброволец» — в Инякине. Старшеклассники были весьма горды тем, что их прикрепляли к колхозным бригадам и тем самым как бы приравнивали к мастерам уборки.

Любовь к земле, умение трудиться на ней воспитываются здесь еще с детства. Мальчики овладевают в школе специальностью механизаторов и, окончив десятилетку, получают вместе с аттестатом зрелости специальность тракториста или комбайнера. Девочки-старшеклассницы работают в животноводстве. К 8-9-м классам они настолько осваивают машинную дойку, что летом, в пору каникул, могут подменять доярок, уходящих в отпуск. Девчатам очень лестно, что это они дают возможность своим матерям поехать в санаторий...

На работу — несколько часов. А

3.

4.

5.

1.

2.

ИКУЛЫ

потом наступало время отдыха, время спорта, игр, купания, рыбалки и всяческих веселых затей.

Недавно в Ерахтуре (кроме обычного пионерского лагеря, там действует и общерайонный лагерь для младших школьников) состоялся бал-маскарад. Такое веселье было, что даже с отбоем на полчаса опоздали...

Пока малыши резвились на карнавале, старшие — обитатели школьного лагеря «Следопыт» — пели песни у костра. Далеко-далеко разносились по притихшей Оке звонкие ребячьи голоса...

И в эти дни сельские школьники вспоминают о каникулах с такой же радостью, как и городские.

Н. ВЕРИНА

1. Бал-маскарад.

2. Выпускники Ерахтурской школы Владимир Сенин и Михаил Лебедев стали трактористами в своем колхозе.

3. Друзья.

4. Не простые травы — лекарственные.

5. Туча идет! Поскорей бы сено убрать...

6. На зависть всем рыболовам.

7. Для терпеливых — шахматы.

8. Вечер. Пора костров и песен.

6.

7.

8.

Чей уплывет дальше!

Русское поле... Директор Инякинской школы И. К. Волков и его питомицы.

К цветку цветок сплетай венок...

МОЙ ИССЫК-КУЛЬ

«РАЗВЕРНУТЬ РАБОТЫ ПО СОЗДАНИЮ КУРОРТНОЙ ЗОНЫ СОЮЗНОГО ЗНАЧЕНИЯ В РАЙОНЕ ОЗЕРА ИССЫК-КУЛЬ».

Из «Основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы».

Улан ТОКОМБАЕВ

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

–Куу, куу, куу,— тревожный слышится клич.

Он навсегда останется с вами и не однажды разбудит вас среди ночи. И сожмется тогда сердце от невесть откуда появившейся грусти. И долго будете лежать с открытыми глазами, успокаивать себя, вспоминать свою жизнь, листая день за днем память.

...Затрубят над изумрудным озером птицы.

— Куу, куу, куу,— кружатся, прощаясь.

И вы, улыбаясь, вспомните волшебное озеро Иссык-Куль, белых лебедей над ним и поднявшиеся над озером высокие, синие, покрытые вечным снегом горы Кунгей- и Терскей-Алатау, которые ранним утром отражаются в синем озере. Кажется, протяни руки — и коснешься горных вершин... Нет, это просто синь утреннего воздуха гор прессует расстояние. Он пьянит до головокружения, и вы бежите по влажному от росы песку к теплому, нет, к горячему (ведь «Иссык» в переводе на русский «горячее») озеру, забывая, что находитесь на высоте 1600 метров. И сердце колотится от восторга, красоты, и кажется вам, что в прозрачной воде видны древние города с зубчатыми стенами, высокими башнями и прямыми улицами.

Много тайн хранит озеро.

Возьмите лодку и отплывите недалеко, метров на 200, остановитесь напротив пионерского лагеря «Чайка» и посмотрите в воду — там на глубине не более трех метров вы увидите остатки стен, выложенных из валунов. Вам никто не скажет названия города. Пока его никто не знает. Много еще городищ на дне и вокруг озера не имеет своих имен. Но точно известно, что между современными селами Барскауном и Тамгой был город Барсхон. Иранский историк XI века Гарадзи сообщает, что это был большой город, который мог выставить 20 тысяч воинов. Археологи свидетельствуют, что под водами озера погребены два яруса городов.

И еще одна справка, для рыболовов: в озере водится около двадцати видов рыб. Перечислять, пожалуй, их не стоит. Но нельзя не отметить иссык-кульского чебачка, который составляет 80 процентов «населения» озера и носит научное название «эндемик». Эта рыба, нигде, кроме Иссык-Куля, не встречается. И знаменитая иссык-кульская форель. Примечательна ее биография. Если в Армении, в озере Севан, вес ее достигал 4—5 килограммов, то, акклиматизировавшись в Иссык-Куле, она подросла до полутора метров и весит уже 20—22 килограмма.

В прибрежных зарослях джерганака-облепихи нередко можно встретить зайца или фазана, в предгорьях — горных куропаток. А рьяные любители фотоохоты могут подняться в горы, и, если им повезет, они привезут домой слайды со снежным барсом — ирбисом. Рассказывают, что 50 тысяч лет назад удачливый охотник встречался тут с носорогом или мамонтом. Палеонтологические находки в районе Джергалана подтверждают это.

Есть тут своеобразный музей. Расположился он на нескольких квадратных километрах и хранит искусство наших доисторических предков. Десятки тысяч экспонатов, «визитных карточек на камне», рисунков. Приглядитесь, и вы увидите, как оживает под вашим взглядом двугорбая верблюдица, а рядом тонконогий верблюжонок. Вот барс, сбрасывающий свою добычу со скалы, вот человек с луком. От подножия Кунгей-Алатау до иссык-кульских прибрежных песков раскинулась экспозиция древнейших скульпторов. Можно бесконечно долго бродить между валунов, читая каменную летопись.

Но довольно старины.

Известный датский писатель Ханс Шерфиг в своей книге «В гостях у киргизов» пишет: «...мы купаемся в Иссык-Куле, здесь дюны, поросшие песчанкой, как в Тисвильде, белый песчаный пляж, отмели и прибой. Это море в горах, по величине равное Каттегату, очень синее и соленое. Температура воды 22 градуса, и это в середине сентября».

Кстати заметим, что высокое стояние солнца над горизонтом способствует отличной погоде. Здесь число ясных дней достигает 185, а летом почти не бывает хмурого неба.

И далее, восхищаясь курортной зоной Иссык-Куля, Ханс Шерфиг пишет: «...здесь возникает целая киргизская Ривьера. Места тут богатые источниками и минеральными водами, излечивающими от всевозможных недугов. А если хочешь, можешь пойти на охоту на медведя, кабанов, на диких горных козлов или ловить рыбу в реке и в Иссык-Куле».

Но главное, что ждет тебя, приехавшего на Иссык-Куль,— мягкий морской климат побережья, чистый воздух гор, все, что требуется для лечения и отдыха. Сколько их здесь, горячих минеральных источников и запасов лечебных грязей!

Курортное строительство на берегах Иссык-Куля — предмет большой заботы партийных, хозяйственных, советских, профсоюзных организаций республики. Уже сейчас здесь около 120 баз отдыха. Большой популярностью пользуются, например, санатории «Голубой Иссык-Куль», «Джеты-Огуз», «Киргизское взморье». Но надо и отметить: это только первые шаги. Разработан перспективный проект районной планировки Иссык-Куля как всесоюзной здравницы. Дома отдыха и санатории должны будут иметь 100 тысяч мест. Первая очередь — она рассчитана на десятую пятилетку — 35 тысяч мест. Это замыслы. Впереди много дел, много забот и много трудностей. Надо их одолеть. Чудо-озеро заслужило того, чтобы стать жемчужиной среди здравниц страны. Он прав, поэт, воспевший эту голубую жемчужину:

Прекраснейшее средь озер!
Незабываем облик твой:
Подобен небу твой простор
И с небом спорит синевой.
Мой Иссык-Куль, ты в песнях гор
Звучишь певучею волной.

...— Куу, куу, куу,— трубят над озером лебеди, кружатся и пропадают в синем зыбком мареве... Здравствуй, мой Иссык-Куль!

■

Крупнейший в районе Чолпон-Ата санаторий «Голубой Иссык-Куль». * Снежные горы рядом, но на лыжах можно промчаться и по бирюзовой поверхности озера. * Один из многочисленных пляжей. * НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Склоны величественного Терскей-Алатау покрыты зарослями тянь-шаньской ели. * Вечереет...

«ТИХИЙ ДОН» ВПАДАЕТ В СЕРДЦА

Когда двадцатитрехлетний Михаил Шолохов явил свету свое эпическое полотно с живыми, яркими, трепетными красками Дона, он, конечно, не знал, что Григорий Мелехов, выйдя из родного хутора за «степной гребень», породнится не только с необъятными российскими просторами, но и очутится на «гребне» планеты. В тумане ошибок и обманов двигался Григорий по дорогам жизни к единственно справедливому берегу, под ростепельный, мартовский лед Дона спустил он свою винтовку, а когда распрямился, стал виден не только стране, но всему миру.

Как получилось, что простой казак Григорий Мелехов вырос в фигуру всемирно-исторического масштаба, почему его любовь и трагедия становятся вровень с любовью и трагедиями шекспировских, толстовских героев и каким образом самоцветы шолоховского языка не утратили своей драгоценности в языках, сущих на всей планете? Вопросы эти волнуют не только специалистов литературы. И тем с большим интересом воспринимается книга Константина Приймы «Тихий Дон» сражается», в которой впервые в такой обобщенной и концентрированной форме прослеживается победное шествие романа за рубежом.

Собственно, об этой книге, наверное, тоже можно написать книгу, главным героем которой станет автор, неутомимый, одержимый исследователь творчества М. Шолохова, не остановившийся перед трудной задачей, ибо «Тихий Дон» сражается» при всей своей популярности, публицистичности имеет прочный научный фундамент.

А началась книга много лет назад несколькими строками в дневнике журналиста Константина Приймы. Просто любопытная запись, запись, которая, подобно атомному ядру, «расщепилась» потом на сотни вопросов, требующих поисков и ответов. Вот это «ядро».

Сорок шесть лет назад французский матрос, коммунист Андрэ Марсель подарил советскому моряку Коста Планиди номер газеты «Юманите» от 25 марта 1930 года с главою из «Тихого Дона» и на газетном листе оставил свой автограф. «Именно у вас, — писал Андрэ Марсель, — родился Шолохов, который дал миру «Тихий Дон» — красную «Илиаду»... Я не пророк, но должен сказать, что «Тихий Дон» Шолохова после триумфа в Берлине и Париже еще покорит сердца турок, индийцев, японцев и весь мир! Да здравствует Россия и Шолохов!»

Рядовой коммунист, выразивший мнение масс, оказался провидцем судьбы «Тихого Дона». Его восторженный, поистине пророческий отзыв стал началом почти бесконечной нити поисков. Эта нить привела исследователя сначала к иностранным рабочим «Ростсельмаша», коммунистам, интернационалистам, которые в 1935 году помогли организовать небольшую выставку «Советский роман за рубежом», где были представлены уникальные теперь письма политэмигрантов о «Тихом Доне». О характере этих писем, об отношении зарубежных коммунистов-рабочих к шолоховскому роману свидетельствуют хотя бы такие факты. Мадьяр Людвиг Сюч, знавший наперечет все изъятия в шведском издании «Тихого Дона», выступил с протестом в издательстве «Тиден форлаг». Серб Мет Блаич еще в 1935 году обнаружил варварские сокращения романа в Англии.

Изъятия, сокращения... Значит, что-то кому-то уже не нравилось в романе? Может быть, эта «экзекуция» проводилась по художественным соображениям? Выяснилось — нет, по политическим! Большинство читателей зарубежных стран восприняли героя книги как народ, разбуженный революцией, «Тихий Дон» нес в себе идеи Октября, Серпа и Молота. Вот что не понравилось некоторым издателям! Так социальный аспект восприятия творчества М. Шолохова за рубежом, по существу, обнажил расстановку классовых сил в современном буржуазном обществе и отношение к первой в мире Стране Советов. Этот процесс подробно прослеживает Константин Прийма, приглашающий нас в увлекательный поиск.

Мы узнаем, что впервые в зарубежной прессе доброе слово о «Тихом Доне» прозвучало в немецкой коммунистической газете «Роте фане» («Красное знамя») 1 ноября 1928 года, а первооткрывателем романа в Европе стала переводчица Ольга Осиповна Габор. По ее словам, ни один иностранный роман не имел такого успеха.

Представители прогрессивного лагеря тепло приняли «Тихий Дон». Среди читателей романа, давших ему высокую оценку, мы видим и лидеров коммунистических партий — Мориса Тореза и Пальмиро Тольятти, Вальтера Ульбрихта и Эльтена Фажона, Долорес Ибаррури и Джона Голлана, Иосипа Броз Тито и Яноша Кадара...

Автор исследования получил их личные отзывы о творчестве Михаила Александровича Шолохова.

Но есть и другие «свидетельства». По всему Китаю предали огню «Тихий Дон» хунвэйбины, объявив «бандитом» Григория Мелехова. До сих пор не желают восстановить сокращенные сто страниц романа редакторы английского издательства «Путнам» и американского «А. Кнопф». Константин Прийма предоставляет слово и противникам «Тихого Дона», обнажая тем самым классовый характер литературных оценок и характеристик.

Исследователь изучил и представил нам зарубежные издания книг М. Шолохова из двадцати девяти стран. Документы — письма лидеров компартий и антифашистов, отклики переводчиков и издателей произведений М. Шолохова в Европе, Азии, Америке и Африке, статьи писателей и критиков коммунистической, прогрессивной и буржуазной прессы — дают основание сделать вывод, что одним из важнейших аспектов мирового значения «Тихого Дона» является высокохудожественное изображение в нем Великой Октябрьской социалистической революции. Творческий опыт М. Шолохова воспринимается прогрессивными писателями Запада и Востока как урок социалистического реализма, жизненность и достоинство которого вынуждены сегодня признать многие буржуазные писатели, критики и литературоведы. Таким образом, книга «Тихий Дон» сражается» дает возможность проследить влияние советской литературы на мировой историко-литературный процесс.

«Книгу эту, — пишет в предисловии доктор филологических наук В. Архипов, — начинаешь читать так, как она названа — «Тихий Дон» сражается». По мере чтения ее тобою все более и решительнее овладевает мысль: «Тихий Дон» побеждает!»

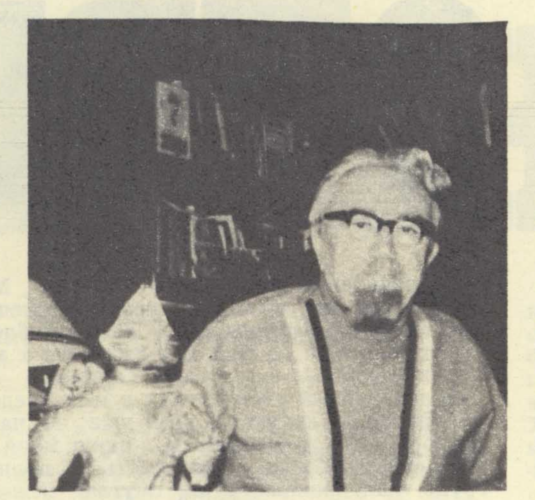
Виктор СТЕПАНОВ

Константин Прийма. «Тихий Дон» сражается». Издание второе, исправленное и дополненное. М., «Советская Россия», 1975. 544 стр.

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. П. КАЗАНЦЕВА

МЕЧТА ПИСАТЕЛЯ

Была ли Атлантида? Когда и от кого индейцы Южной Америки узнали про колесо? Не становится ли явью мечта Жюля Верна о получении чистого водорода из воды? Рождаются догадки, выдвигаются смелые предположения... Не все подтверждаются, становятся истиной, но большей частью существуют не бесполезно.

Александр Казанцев принадлежит к тем фантастам, которые, выдвигая и поддерживая самые дерзкие научные гипотезы современности («звездные пришельцы» и т. д.), не забывают о дне сегодняшнем, предлагая смелые конструктивные решения неотложных научно-технических проблем. Интересно, что еще в конце войны А. Казанцев сформулировал идею строительного монтажа при помощи вертолетов. В Белом море близ Архангельска построена дамба. Как она похожа на ту, что описана в романе «Мол «Северный». Идея «арктического моста» пригодилась японским строителям, соединяющим подводным туннелем два северных острова. Летчик-космонавт СССР Георгий Береговой в своей книге «Угол атаки» говорит, что писатель Казанцев задолго до времени работы на Луне советского лунохода предсказал его принципиальную конструкцию.

Родившийся в Акмолинске, в семье, где почитались знания и умение мечтать, Казанцев шагнул в мир техники и точной механики сразу же после окончания школы — сначала омский техникум, затем Томский технологический институт... Он трудился в Омске, Сормове, Москве, овладевая рабочими профессиями, и словно поднимался по ступенькам своей мечты: слесарь, токарь, литейщик, механик, конструктор и, наконец, изобретатель. «Все для прогресса, а прогресс — во имя человека» — этот девиз инженера Казанцева наполнил смыслом жизнь его героев, когда после войны он посвятил себя литературе.

Типичный герой А. Казанцева — советский человек, активно дерзающий строитель, оптимист и борец. Таков Алексей Карцев из романа «Подводное солнце», таковы изобретатель Андрей Корнев и инженер Сурен Авакян («Арктический мост»), физик и астроном Вилена Ланская («Сильнее времени») и другие.

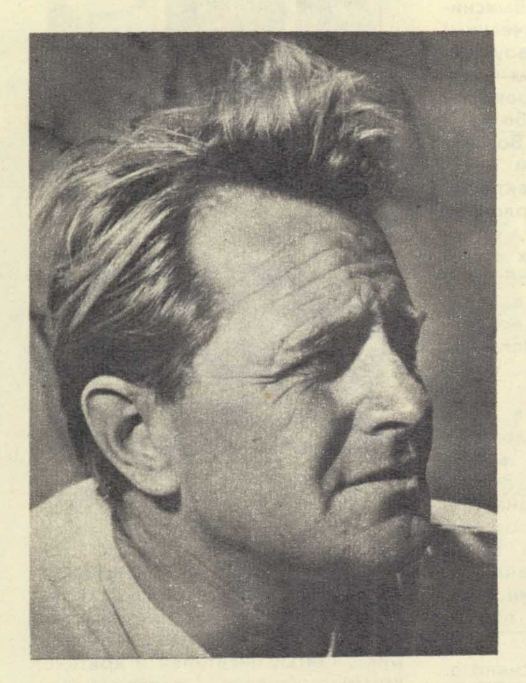
Казанцев открыл галерею этих героев, а читатели открыли в нем художника перед войной, в 1939 году, когда «Пылающий остров» начал печататься в «Пионерской правде». Номера газеты шли нарасхват, и не было школы, где бы ребята не обсуждали очередное продолжение. В этом первом произведении звучит тревожное раздумье о неизбежности схватки с фашизмом. Именно отсюда, из газетного варианта книги, возникнет, определяя все последующее творчество писателя, особенность его фантастики: острая социальная направленность, главенство мысли о роли ученых, науки в противоборстве сил войны и мира. Перечислить созданное Казанцевым невозможно — здесь романы для юношества и для взрослых, повести, рассказы, киносценарии...

Человек разносторонних интересов, он немало сделал в области теории шахмат, был вице-президентом Международной комиссии по шахматной композиции ФИДЕ. С именем А. П. Казанцева связана история возникновения таких популярных изданий, как «Искатель», «На суше и на море», «Мир приключений».

Находясь на передовом рубеже фантастики, писатель-коммунист Александр Петрович Казанцев далек от юбилейной самоуспокоенности. На его рабочем столе рукопись нового романа, обширная корреспонденция со всех краев планеты. Он в строю, он работает во имя человека, его будущего.

Ю. СЕРГЕЕВ

В ущелье Джеты-Огуз. * Белый парус здесь не одинок. * Близ озера. * Отдыхающие * Эти предпочитают жить так.

Известный английский писатель лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Джеймс Олдридж, давний друг нашего журнала, не раз выступал в «Огоньке» со своими произведениями, получившими широкое признание. Недавно писатель передал в редакцию новую повесть, которую мы и предлагаем вашему вниманию.

Джеймс ОЛДРИДЖ

ДЖУЛИ ОТРЕ

ПОВЕСТЬ

Перевела с английского Р. ОБЛОНСКАЯ

Рисунки Марины ПЕТРОВОЙ

ГЛАВА 1

Когда моему отцу, адвокату, предложили защищать Джули (Джулиана) Кристо, он, вероятно, и не подозревал, какую ему придется решать нравственную головоломку. Позднее, когда отцу, как и мне, это стало ясно, он вынужден был предостеречь меня, чтобы мое личное отношение к обвиняемому не помешало мне беспристрастно освещать дело в печати. В ту пору мне едва минуло двадцать, и я только еще начинал свой путь журналиста — впервые получил работу в нашей местной газете «Стандард».

Оглядываясь назад, я думаю, что мой англичанин-отец, должно быть, с самого начала хотел как-то подчеркнуть всю трагичность судьбы своего подзащитного, но признаваться в подобных мыслях себе, человеку, а не юристу, не любил. Он, в чью платоновскую, берклианскую нравственную философию входили, как песок в цемент, и «Фауст» Марло и «Фауст» Гете, должен был бы, как никто другой, с самого начала понять, что в случае с Джули он столкнется с историей поистине средневековой. Но когда дело Джули подошло к развязке, отец мой отделил песок от цемента, истина предстала во всей наготе — и город наш был потрясен.

К счастью, теперь, спустя столько времени, я уже в состоянии писать об этом как бы со стороны. Я могу объяснить то, чего не мог тогда понять; ведь тогда Джули был для меня просто мой однолеток, здешний мальчишка, такой же, как я сам. Мы росли в удушливые, сложные тридцатые годы. Мое поколение растили в такой наготе и духовной нищете, словно временам этим суждено было длиться вечно, а в нашем захолустном австралийском городке все это усугублялось прямо-таки средневековым фанатизмом, который порождало наше простодушное невежество. Однако и мы, как все, могли похвастать кое-какими изысками: были и у нас аэропланы в частном владении, стремительные автомобили, мировые спортивные рекорды, катание на роликах, чудаки, религиозные бдения адвентистов, скачки и многое другое, что обращало тридцатые годы в пленительный и страшный сон, а теперь заставляет нас тосковать по нашей беспомощной наивности и неподдельному веселью, которое мы знавали в те дни. Мы прошли через все это, и я даже понимаю, почему, оглядываясь назад, так трудно отрешиться от тоски по тогдашней бесхитростной слепоте и так хочется вновь ввести в моду тогдашние великолепные шляпы.

Не знаю, где Джули родился. У нас в городе никто этого так и не разведал. Просто однажды летом — было ему тогда полтора года — его мать, миссис Анджела Кристо, привезла его к нам в Сент-Хелен, поселилась в собственном доме, который как-то сумела купить еще до того, как приехала в наш город, и стала сдавать меблированные комнаты с пансионом.

Дом миссис Кристо был один из шести одинаковых, неимоверно уродливых домов, построенных во время первой мировой войны неким делягой Джо Феннелом. Единый квартал, образованный этими домами, называли библейским; как-то так получилось, что жили там почти сплошь адвентисты и евангелисты. Они не были настоящими евангелистами с собственной молельней, не принадлежали и к монмутским сектантам и уж вовсе не походили на баптистов Америки. То было порождение самой Австралии, кучка людей, нищих и жизнерадостных, таких неприхотливых, по-детски непритязательных и в добровольном своем невежестве таких беззащитных, что, казалось, жилье это нарочно для них предназначено. Городок наш весь утопал в зелени газонов, тенистых деревьев, палисадников, засаженных редкостными субтропическими растениями, виноградными лозами, апельсиновыми деревьями и пальмами, а дом миссис Кристо, как и все прочие в том квартале, был просто-напросто деревянный ящик под крышей рифленого железа; с голой, открытой всем ветрам верандой, стоял он в заросшем сорняками дворе, и утоптанная песчаная дорожка вела, казалось, прямо в кухню. Было это жилище уныло снаружи и убого внутри.

Однако дом этот и все, кто в нем жил, всегда необыкновенно привлекали меня. Помню, однажды, лет в двенадцать, я наткнулся на одну из пансионерок, мисс Майл,— на заднем дворе, подле поленницы дров, она жгла в мусоросжигателе книги. На ней были хлопчатобумажное платье — мешок мешком, очки, мужские сандалии и серо-зеленая фетровая шляпа. Из большого деревянного ящика она кидала в мусоросжигатель тома в кожаных переплетах и пела евангелистский гимн, который я тотчас запомнил и потом безуспешно старался забыть:

— Радость, радость, радость, душа моя поет. Радость, радость, радость, я счастлива весь день. Грехи все прощены мне, в рай я путь держу. Радость, радость, радость бьет во мне ключом.

И с каждой «радостью» в огонь летел том Вальтера Скотта, Уитмена, Торо, Теннисона, Филдинга, Джордж Элиот и бог весть кого еще. Когда мисс Майл отвернулась, я изловчился и выхватил из огня одну-единственную книгу, и оказалось, это полный Шелли в переплете мягкой кожи. Но только его и удалось спасти, до других мисс Майл меня не допустила, и оттого, что я смирился, не сделал отчаянной попытки помешать ей, меня поныне мучают литературные кошмары. Но тогда мне всего-то было двенадцать, и удержала меня, вероятно, та счастливая уверенность, то удовольствие, с каким она делала свое дело. После я узнал, что чудеснейшая небольшая библиотека эта принадлежала ее отцу, торговцу скобяным товаром, не приверженному евангелической церкви, который жил в соседнем городке Ной и незадолго до того умер, всеми оставленный и забытый. В духе евангелизма ее воспитала мать, а вера эта запрещала все книги, кроме Нового завета, и все земные радости, кроме пения псалмов и молитв.

Приезда миссис Кристо в наш город я не помню: ведь мне, как и Джули, было в ту пору всего года полтора. Но самые ранние мои воспоминания о миссис Кристо были, как ни странно, невинно чувственные. Когда я впервые вошел с Джули после школы на их голую, затянутую проволочной сеткой веранду, мне было, наверно, лет десять, и до меня в тот дом не ступала нога ни одного городского мальчишки. Там стоял слабый запах пыльных бурь, что длились обычно по нескольку дней и были проклятием нашей жизни в начале и в конце каждого лета. Походили они скорее на кару небесную, чем на естественные явления природы, и утихомирить их мог лишь грозовой ливень, — он утолял наши муки, как утолила бы гроздь винограда жажду Тантала. Мы ненавидели эти пыльные бури, и, конечно же, их запах застаивался в домах библейского квартала: он был там столь же к месту, как вера — в пустынях Галилеи.

В тот первый свой приход я шел следом за Джули в кухню, а сам уже не чаял поскорей отсюда выбраться, и вдруг меня со всех сторон объяла живая плоть — полная грудь, напудренные руки, смуглая нежная кожа, и от этого щедрого, поистине венецианского тела чуть пахло тальком и жареным луком.

— Так вот он, Кит Куэйл. Ты ведь меньшой сынишка миссис Куэйл, да?

Я не успел еще увидать лица миссис Кристо, видел только верх полной высокой груди и не затянутый корсетом живот. Из ее объятий я выбрался, точно из золотых россыпей, и увидел темные волосы, темные глаза европеянки и улыбающийся рот с нетесно сидящими зубами. Впечатление было ошеломительное.

— Да, я Кит Куэйл, — сказал я, все еще отдуваясь.

Миссис Кристо снова заключила меня в объятия, — помню, я весь съежился, а когда вновь очутился на свободе, поймал бесстрастный взгляд Джули. Джули был тощий, кожа да кости, он смотрел на меня как-то отчужденно, но с интересом, словно давал мне понять, что он тут ни при чем и никак не в ответе за это объятие.

— Не стесняйся, — сказала миссис Кристо.

А я не стеснялся, я был растерян.

— Мам, сладкие пирожки есть? — не столько спросил, сколько потребовал Джули, когда она наконец отпустила меня. Но было в его тоне что-то еще, сквозило словно бы бесхитростное, но холодноватое предостережение: меня не тронь, держись подальше.

— Есть, как не быть,— ответила мать.— Но только по одному, Джули, так что второго не проси.

— А я и не собираюсь просить, — спокойно возразил Джули.

Я взял пирожок и торопливо откусил. Объедение! Чудо, а не пирожки, вовсе не в духе этого дома. Они никак не вязались с неиссякаемой верой и с запахами отбивных котлет, жареного лука, колбасы, жира и вареного картофеля. И, пожалуй, они были первым моим ключом к самой миссис Кристо — ведь даже тогда она показалась мне чересчур темноволосой, оливково-смуглой, бледной, чересчур экзотической для тех унылых радостей, какими жил библейский квартал.

— Может, чайку выпьешь с нами, Кит?— явно желая меня удержать, спросила миссис Кристо, когда я стал отходить к другому краю стола, чтобы уклониться от нового объятия.

— Нет, спасибо, миссис Кристо, — ответил я, направляясь к затянутой сеткой двери веранды и крепко сжимая недоеденный пирожок.

— Я угощу тебя колбаской, — сказала она.

В другой обстановке никто из нас нипочем не отказался бы от такого приглашения. Я даже понадеялся было, что Джули станет меня уговаривать, но его все это словно не касалось. Он только смотрел на меня непроницаемым взглядом, и тогда я понял, что у себя дома он такой же, как всегда и везде: держится от всего в стороне. Он и здесь словно бы отсутствует. Такой уж был наш Джули.

свыкся, что до сих пор помню многих из тех, кто жил в этих уродливых шести домах.

Это Старры — мистер Старр и трое долговязых его сыновей были «ночной командой»: чистили выгребные ямы. Однажды под рождество Старры разложили во всех уборных стихи (их отпечатали в типографии нашего «Стандарда») с призывом к горожанам не забывать свою «ночную команду», и каждая строфа кончалась словами «Спаси вас бог...». В соседнем доме жил, помнится, мистер Йоу. Он торговал дровами, и дровяной склад его бывал открыт в самые неожиданные часы. Он и мистер Старр были самыми преуспевающими жителями этой общины и каждый год вдвоем отправлялись в Мельбурн на какой-нибудь важный съезд евангелистов.

В остальных домах жила беднота: ими владели или снимали их мелкие служащие, продавцы, разносчики молока и мелкие торговцы. Помню еще мистера Уэстона — в нашем пресном городке он упорно пытался торговать «Специями Роллингса» и вечно таскал их в фибровом чемодане. И когда удавалось продать баночку специй, неизменно заворачивал ее в бумагу, на которой был отпечатан какой-нибудь религиозный текст. Еще в одном из этих домов жили две сестры, которые двадцать лет ходили в одних и тех же платьях, мисс Фрик и мисс Фрак (настоящая их фамилия была, кажется, Финч) — жили совсем по-деревенски. Они выращивали цыплят, продавали яйца, разводили кур бентамской породы да изредка продавали тощих кроликов.

Других семейств из этого квартала я не помню, зато хорошо помню всех жильцов миссис Кристо — ведь я встречал их всякий раз, как заходил к Джули. Старше всех там был мистер Мэйкпис, он работал на местного ювелира: чинил карманные, наручные, настольные и прочие часы. Он столько лет, как все часовщики, пользовался вставной лупой, что одна сторона лица у него слегка скособочилась, но от этого добряк часовщик стал казаться только еще добрей. В городе его так и прозвали Лупа. Однажды я сделал открытие: именно он писал адвентистские листовки, которые неизменно появлялись на всех фонарных столбах, на стенах и на окнах, а мы, мальчишки, с наслаждением их сдирали — не потому, что нам не нравилось их содержание, просто, подобно пику Маттерхорн на итало-швейцарской границе, они мозолили нам глаза.

Из всех жильцов миссис Кристо самым

ШЕННЫЙ

— Мне надо домой, — сказал я наконец и выскочил за дверь, словно за мной гналась.

Таково было мое первое отчетливое впечатление от миссис Кристо и от Джули у него дома, и таким вот безжалостным оно и осталось, я и по сей день не могу отделаться от тогдашнего своеобразного, странного привкуса. С другой стороны, я вовсе не хочу сказать, что у меня появилось желание избегать миссис Кристо, ее дом, да и весь библейский квартал. Ничуть не бывало. В сущности, я быстро привык к нежданным стремительным объятиям миссис Кристо. (Джули тоже приходилось с ними мириться, и когда не удавалось их избежать, он молча их терпел.) Я привык к ощущению и запаху чудесной мягкой груди, к этой дразнящей плоти, к очарованию этой перехватывающей дыхание женской улыбки. Привык к дому и ко всем его обитателям, так что библейский квартал стал для меня просто еще одной частью нашего городка. Я так с ним

несерьезным (надеюсь, он простит мне это определение) был мистер Хэймейкер. Он был чистокровный австралиец, но настоящая его фамилия была немецкая — Хокмейстер. Мы, мальчишки, звали его просто Хэймейкер, а взрослые прозвали его «Птичкой» — в нем и вправду было что-то птичье. (У нас в городке каждый походил на какую-нибудь птицу или зверя.) Был он длинношеий, с большим кадыком, почти уже беззубый, взгляд пристальный, а на голове хохолок. Довольно беглый набросок портрета, но австралийцы вообще склонны оглядывать своих ближних пристальным взором, а во внешности мистера Хэймейкера не было ничего чересчур странного. Мальчишек же в нем больше всего занимала серебряная пластинка в черепе и еще его бейсбольная бита. Он был ранен под Галлиполи, и война для него кончилась в госпитале в Америке, там ему вставили серебряную пластинку, там же подарили биту, и он в ней видел некий тотем — повесил на дверь деревянного закутка на маслозаводе, где резал и завертывал масло. Наверно, ему приятно было смотреть на нее, а значит, он должен был как-то оправдать это в своих глазах, ибо адвентисту не полагалось чем бы то ни было любоваться, ведь это, с его точки зрения, грех. Хокмейстер был неизменным участником всех городских процессий и всегда нес огромный плакат со словами: «Прииди ко Христу, пока он еще в пути».

Третьим постояльцем был Бен Кэш. Бен имел мотоцикл с коляской, и хотя я ни разу не видел, как он обихаживает его, тот был всегда безукоризненно чист, как чист был на свой лад его владелец. Бен включал и выключал воду для поливки и собирал за это взносы и к Джули и ко мне обычно был щедр духом. Но садиться в коляску своего мотоцикла или на заднее сиденье не позволял никому. По воскресеньям он надевал свой лучший костюм (черный и словно накрахмаленный), устанавливал на коляске огромный плакат со словами либо из Послания римлянам, либо из Екклезиаста и на второй скорости разъезжал по городу. Больше всего он любил переехать по мосту за реку и катить по Новому Южному Уэллсу, где наши местные картежники, пьяницы и прочие азартные души играли в расшибалочку и где Бена осыпали насмешками и оскорблениями, а он знай себе радостно улыбался. Весной он иногда проезжал по обоим берегам реки, где парни и девчонки прямо под солнцем занимались любовью. А летом он подъезжал к берегу в том месте, где мы купались, кружил среди нашей одежды и ловко уклонялся от нас, когда мы делали отчаянные попытки догнать его и вскочить на мотоцикл. В ночь, когда сгорел наш кинематограф, Питер Симпсон, один из пожарников-добровольцев, влетел в дом миссис Кристо и попросил Бена подбросить его в пожарное депо. Бен отказался.

— Зря просишь, Пит, — сказал он. — Я тебя знать не знаю. Не знаю, и все.

Пит никак не мог взять в толк, что он болтает, потом в сердцах сочно его обложил и возмущенно крикнул:

— А уж я тебя и вовсе знать не желаю, подлый ублюдок!

Пришлось Питу поспешать на пожар рысцой на своих двоих, и всю дорогу он яростно ругал Бена.

Последней, четвертой жилицей была мисс Майл. Но поселилась она там вместо другой женщины, мисс Хилз, которая прежде продавала иголки и нитки в магазине тканей. Говорят, она была грязнуха. Вернее, от нее пахло так, словно она сроду не мылась. Но была она неизменно жизнерадостна и с утра до ночи распевала гимны. Все, кто ее помнил, говорили — мисс Майл очень на нее похожа, но только мисс Майл чистюля. И мисс Майл заняла ее место в магазине тканей и тоже с утра до ночи распевала гимны.

Таково было окружение, в котором рос и воспитывался Джули. Отца у него не было, и хотя весь город без конца судил, и рядил, и строил разные догадки об этом исчезнувшем родителе, ни одну версию нельзя было доказать, даже ту сногсшибательную историю, которую изложил мой отец, когда защищал Джули на суде. Итак, Джули жил с матерью и своими покровителями-евангелистами в доме, чуждом искусства, ничем не украшенном, но полном радостных песнопений. Если не считать сожженной библиотеки мисс Майл, я не видал там ни единой книги, кроме евангелических брошюрок, присылаемых из Мельбурна, а иногда из Уочтауэрского библейского общества. Выцветшие стены украшены были только вставленными в рамку изречениями вроде: «Иисус спасает грешников, словно тонущих» или «Каждое утро прииди ко Христу».

Прочие сведения о жильцах миссис Кристо не суть важны, разве что, насколько я знаю, за ними не водилось жестокости или подлости, им даже не чуждо было своеобразное чувство юмора, но и этих забав Джули тоже сторонился.

И последнее: я так никогда и не узнал,

откуда приехала к нам миссис Кристо и не вымышленная ли это фамилия. Фамилия эта не была символической. Скорее всего ее выбрали бессознательно или сократили из какой-то другой, скажем, Кристофолус (недаром миссис Кристо походила на уроженку Европы). Но это всего лишь еще одна загадка из жизни Джули, хотя в свете того, что произошло с ним, когда он стал юношей, быть может, она-то всего важнее.

ГЛАВА 2

Даже мальчишкой Джули был не очень общителен. Но и не держался чужаком. Отношения у нас сложились престранные. Помню, как-то летом он сидел на берегу нашей излюбленной заводи — купаться не пожелал, сидел такой тощий, угловатый, нескладный и глядел на нас своим бесстрастным взглядом, будто в этот жаркий день ему и правда неохота окунуться. Когда находило на него такое настроение, он мог отрешиться от всего на свете, даже от погоды, даже от мальчишеской радости подурачиться в нашей расчудесной речке. Мы не стали к нему цепляться, мы принимали его таким, как он есть, — на это мальчишки нашего городка способны не часто.

Но однажды, ни словом нас не предупредив, он сбросил рубашку и прямо в коротких черных штанах прыгнул вслед за нами с берега. Заводь была глубокая, футов двадцать, а Джули совсем не умел плавать, и пришлось нам вчетвером изрядно похлопотать, пока выволокли его на спекшийся от жары берег.

— Ты зачем прыгнул? — в недоумении спросили мы, когда он, тяжело дыша, лежал на спине.

— Просто захотелось окунуться, — ответил он.

— Да ты ж не умеешь плавать! — вознегодовали мы.

— А я знал, вы меня вытащите, — сказал он, выплевывая грязную воду, которой наглотался, пока его спасали.

Вот за эту бесстрашную невозмутимость, за хладнокровное сумасбродство мы и уважали Джули и восхищались им. Еще не раз ему предстояло поражать нас вот такими внезапными порывами мужества и уверенности, что мы всегда тут и всегда придем ему на помощь — так мы и делали, хотя порой подобные поступки вдруг навлекали на него всяческие беды. Были у нас и еще причины относиться к нему по-особенному. Лишь тот, кто прожил жизнь в австралийском захолустье, знает, как австралийцы любят поддеть друг друга и какие шутки еще шутили они в ту пору. Истые австралийцы воображают, будто насмешка — свидетельство их общеизвестного бунтарского неуважения к властям и всяческим устоям. На самом же деле как раз приверженность к общепринятому главным образом и заставляет их насмехаться над всем, что не укладывается в привычные рамки, и Джули немало от них натерпелся из-за своей веры, из-за своей чудно́й матери, из-за своей фамилии, из-за того, что рос без отца (уж, наверно, отца никакого и не было) и еще из-за неприкрытой бедности, хотя кое-кто жил и победней. Но, конечно же, все это вызывало насмешки австралийцев, и он молодчина, что умел пропускать их мимо ушей.

Но всему есть предел, даже терпению Джули. Однажды мальчишка из семьи переселенцев, Джок Кэмпбел, обозвал его проклятым черномазым. На самом деле Джули был бледный, прямо прозрачный, хотя походил скорее на уроженца Балкан или итальянца, чем на англичанина. Джули поджал губы, замер, точно разъяренный кот, и безо всяких предисловий, какие полагались тут по законам нашего захолустного рыцарства, бросил:

— Будем драться!

Джок, весь словно отлитый из шотландской стали, здоровый, как бык, был у нас первый задира и драчун, и хоть мы его не жаловали, к силе его относились почтительно.

— Чего-чего? — пробурчал Джок.

— Будем драться завтра вечером за кузней! — в ярости крикнул Джули. — Будем драться! — кричал он. — Будем драться!

Джок не верил своему счастью. Джули был не только тощий, кожа да кости, но и такой на вид хрупкий, что, казалось, Джок уложит его двумя-тремя ударами своего смуглого кулачища.

— Я тебя укокошу,— весело пообещал Джок.

Мы все пытались отговорить Джули от боя, убеждали, что это безнадежно, подсказывали всевозможные пути отступления, а главное, втолковывали, что на слова Джока нечего обращать внимание.

— Он дубина,— говорили мы.— Пусть его болтает, что хочет.

Но за обидными словами Джока Джули, видно, почуял что-то, чего мы явно не знали, что-то касающееся его матери. Нам он велел не мешаться не в свое дело. И нам только и осталось прийти назавтра вечером смотреть, как они будут драться. Джули отродясь никого пальцем не тронул, зато у нас в школе не было ни одного мальчишки, кого бы не положил на обе лопатки Джок Кэмпбел. Когда бой начался, Джули сжал кулаки и размахнулся. Но даже ударь он Джока, тот едва ли бы это почувствовал. Джок ударил Джули в лицо одним кулаком, другим — и Джули повалился наземь, нос у него был разбит в кровь.

— Не вставай! — закричали мы.

Джули поднялся и попятился. И сделал то, чего мы никогда никому не прощали. Босой ногой пнул Джока в голень. После этого по всем нашим законам нам следовало бы отвернуться от Джули, хотя недозволенный удар был нанесен босой ногой. Но странно, мы и тут оставались на его стороне, только посмеялись: ему самому было явно больней, чем Джоку.

— Я тебя за это укокошу! — бешено заорал Джок и обрушился на Джули так, что скоро у того все лицо было в крови, губы разбиты, глаза быстро заплывали синяками. Наконец мы остановили их — каким-то чудом Джули еще держался на ногах, хотя весь был избит. Сдаваться он не желал, хотя давно уже и не пытался сам ударить Джока.

Джок отер кровь с кулаков о землю и пригрозил, что всех нас уничтожит: зачем помешали додраться. Джули молчал. Только сплевывал кровь и весь был в крови, но когда мы очень благородно довели его до дому, сказал, что туда нам нельзя.

— Уходите, — сказал он. — Уходите.

Плакать он не плакал, но потом одна девушка, Эйлин Харли, рассказала мне: когда мы ушли, Джули сидел во дворе у поленницы и в одиночестве тихонько всхлипывал. Показываться матери он не хотел, но она все-таки увидела его, от страха чуть не упала в обморок и тут же со слезами кинулась его обнимать.

— Не трогай меня,— сказал Джули, высвобождаясь. — Не трогай.

Миссис Кристо хотела обмыть ему лицо, но Джули не подпустил ее к себе и ушел за поленницу.

Наутро он, не стыдясь, не пряча изукрашенное синяками лицо, явился в школу, и все мы за это еще больше его зауважали. А когда он подошел к Джоку Кэмпбелу и исступленно, хоть и неумело, будто иностранное слово, выговаривая ругательство, бросил ему в лицо: «Ублюдок! Ублюдок, ублюдок, ублюдок! Будем драться еще», — мы и вовсе пришли в восторг.

И не в том лишь дело, что мы впервые слышали, как Джули ругается — а, казалось, даже слышать от него такое грех, — но еще никто никогда не осмеливался так обозвать Джока.

— А ты все равно проклятый черномазый,— только и сказал Джок. И отошел, и лишь через много лет я понял: Джули вовсе не обругал Джока. Он назвал настоящим именем то, что было на самом деле, а мы тогда и знать не знали, что означает это слово, оно служило нам просто ругательством.

Присматриваясь теперь к Джули, я думаю: мы лучше понимали бы и его самого и наше к нему отношение, если бы представляли, что такое душевное мужество, какая это огромная сила. Но мы так и не поняли, почему в школьные годы принимали его за своего, хотя ясно было, что он совсем из другого теста. И потому всякий раз, когда требовалось безоглядное мужество, мы обращались к нему. «Джули сделает!» — говорили мы под конец всякий раз, как хотели совершить что-нибудь чересчур непривычное, дикое: взять, к примеру, да обрить голову наголо и поглядеть, вырастут ли кудри — мечта всех наших мальчишек, кому не посчастливилось родиться кудрявыми. Мы сами обстригли Джули и, увидав, как его обкромсали, сами же покатились со смеху, а Джули было хоть бы что. Его словно бы это и не касалось.

Но то были лишь внешние завитушки его глубоко скрытой натуры. В сущности, мне следовало бы глубже проникнуть в его душу, наподобие того, как великий Томас Манн исследовал в «Докторе Фаустусе» склад ума и характера композитора Адриана Леверкюна. Дело в том, что история Джули связана с музыкой. Но разница слишком велика, и не стоит сравнивать Джули с Леверкюном, который впитывал музыку чуть ли не с колыбели. Джули столкнулся с музыкой случайно, лет в двенадцать, когда на заднем дворе нашего полицейского участка набрел на старый итальянский аккордеон.

Как-то в пятницу после школы Джули и еще четверо или пятеро наших мальчишек забежали туда поглядеть на бульдожьих щенят — они только что родились у Энни, собаки полицейского Питерса. Питерс держал их тут же в участке, под террасой, и когда мы вволю нагляделись на крохотных уродцев, которые еле стояли на лапах, мы затеяли игру в крикет под гигантскими смоковницами. Джули играть не захотел, зато под одним деревом он нашел тот самый аккордеон,— старый, разбитый, он не первый год валялся во дворе участка.

Но Джули он почему-то заинтересовал. Мы лупили битой по мячу, а Джули изо всех сил старался извлечь звук из ветхих, продранных и потрескавшихся мехов. Чуть не все клавиши запали, язычки смяты и расколоты, но Джули терпеливо подступался к нему то так, то эдак и, быстро, с силой сжимая мехи, все же проталкивал воздух к язычкам и в конце концов сумел выжать ноту-другую. Когда подле него падал мяч, Джули ногой отбивал его к нам, но все остальное время сидел на террасе, поглощенный аккордеоном. За полчаса он ухитрился выдавить пять или шесть отрывочных звуков, впрочем, отнюдь не музыкальных, и повторить их тоже не удавалось. Я не заметил, чтоб, когда настало время уходить, ему не хотелось расставаться со старым аккордеоном, но, видно, все-таки не хотелось: в тот же вечер Джули вернулся и утащил его.

Хитрить и изворачиваться было не по нем, и когда примерно через неделю я зашел к нему, увидал на полу веранды, где Джули спал, разобранный аккордеон и спросил, откуда это у него, он прямо ответил:

— Я его взял.

— А Джеки Питерс знает?

— Нет. Я сам его взял.

В нашем городке собственность всегда собственность, разбитая, сломанная, ветхая — все равно.

— Да ты что, Джули! — сказал я.— Вот узнает Джеки Питерс, тебе тогда не поздоровится.

— Да почему? Он же ему не нужен,— возразил Джули.

— Но ты уволок его из участка,— объяснил я.

— Да они его и не хватятся,— упрямо настаивал Джули.

Но они, разумеется, хватились, правда, чуть ли не через месяц, а к тому времени Джули успел его починить. Или, вернее, аккордеон починили они вдвоем с мистером Мэйкписом, часовых дел мастером,— редкий случай, когда Джули принял помощь кого-то из жильцов. На беду, про это прослышал Джеки Питерс и обвинил Джули в краже, больше того, сам папаша Питерс облачился в свой полицейский мундир, пожаловал в дом к миссис Кристо и заявил, что сын ее вор и если украдет еще что-нибудь, не миновать ему суда.

— Ох, нет,— задохнувшись от ужаса, вымолвила миссис Кристо.— Тут какая-то ошибка.

— Никакая не ошибка, миссис Кристо,— возразил Питерс.— Он стащил аккордеон.

— Тогда я его накажу,— в тревоге пообещала она, прижав руки к своей пышной, беззащитной груди.— Воровать — грех. Страшный грех.

И тут же, на глазах Питерса, Джули (по-моему, в первый и в последний раз) получил легкий, почти ласковый шлепок, а Питерс получил обратно свой аккордеон и унес его к себе в участок.

— Что твой отец сделал с аккордеоном, Джеки? — безо всякой злобы спросил Джули назавтра Джеки Питерса.

— Не знаю,— ответил Джеки.— Наверно, опять кинул под старую смоковницу.

Джули этого было довольно. Вечером он пошел и снова унес аккордеон, но на этот раз спрятал, и ни матери, ни кому другому не сказал куда, хотя ясно было, что аккордеон унес он. Питерс-старший надел свой мундир и в конце концов отыскал пропажу в старом погребе за домом миссис Кристо; увидав аккордеон у него в руках, Джули коршуном налетел на полицейского и руками, босыми ногами, ногтями, зубами вцепился в ляжки Питерса и повис на нем, а тот весь затрясся от хохота. Человек он был не злой и сказал миссис Кристо:

— Да ну его, миссис Кристо! Заплатите мне пару шиллингов, и пускай его берет аккордеон.

Отдать даром было невозможно, вещь полагалось продать, а в нашем почти деревенском безденежье и скудости тридцатых годов два шиллинга тоже были деньги. Но миссис Кристо достала их из кошелька и протянула полицейскому, и тот со смехом покатил прочь на своем велосипеде, предвкушая, как станет рассказывать в гостинице «Белый лебедь» про нападение Джули на его ноги.

— Ну что тебе тощий кот,— всякий раз повторял он, рассказывая эту историю.— Кинулся мне в коленки да так и впился зубами, ногтями, чем попало.

То был еще один пример внутренней непричастности Джули к условностям, которые правили нашим законопослушным городком, и нам было куда интересней узнать про эту его выходку, чем приглядеться, на что ему аккордеон. Это никого не занимало.

Я и сам не припомню, когда об этом задумался. О музыке в ту пору я знал очень мало (меня учили играть на пианино) и теперь знаю не многим больше, но мне сразу бросилось в глаза, что когда Джули присаживался на поленницу с аккордеоном в руках, он вовсе не пытался подобрать какую-нибудь знакомую мелодию, как наверняка сделал бы любой из нас. Его же, видно, увлекали аккорды и резкие арпеджио. Сожмет мехи и пробежит пальцами вверх по клавишам, беря консонирующие аккорды, потом вниз — и аккорды уже иные, он всячески варьирует, получается странно, но слушать можно. Джули понятия не имел об основах сольфеджио, о нотном письме и спрашивал у меня, как называется та или другая нота. Я мог ему объяснить расположение нот — до, фа, ля мажор и еще кое-каких, далеко не всех: на клавиатуре аккордеона было пятнадцать белых клавиш — от фа до фа — и всего пять черных. Но, похоже, его с самого начала вовсе не интересовала общепринятая система нотного письма. Он хотел знать только разные сочетания и аккорды, а тут я ничего не мог ему объяснить, просто не понимал, о чем он спрашивает.

— Спроси у мисс Майл,— говорил я ему. Мисс Майл иногда играла на маленькой фисгармонии — инструмент принадлежал одному из соседей, во время разных евангелических процессий с песнопениями он запрягал лошадь и возил фисгармонию на тележке. Только на это она и годилась, а все-таки Джули и она могла бы помочь.

Но Джули словно и не слыхал моего со-

вета, он лишь ткнул пальцем в фа-диез и спросил:

— А этот провал зачем?

— Какой еще провал?

Он прошелся по клавишам от ре-диез до фа-диез.

— Вот этот большой провал между черными клавишами.

— А я почем знаю? — сказал я.— Просто уж так устроено.

— Почему черных клавиш меньше, чем белых? — допытывался он.

— Не знаю, Джули,— сказал я, пожав плечами.— Просто такое устройство.— Ответить вразумительней я не умел.

Объяснение мое явно его не удовлетворило, и даже тогда я почувствовал: между тем, что он хотел знать, и тем, что я в силах ему объяснить,— глубокая пропасть. Несколько месяцев спустя я наконец уговорил Джули зайти к нам домой (я к нему ходил, он же к нам никогда), и удалось мне это только потому, что я пообещал показать ему наше пианино. Я сел, спотыкаясь, сыграл простенькое упражнение для пяти пальцев и сразу почувствовал: лучше бы не играл.

Холодным, отчужденным взглядом Джули словно воздвиг стену между собой и этими звуками, он просто не желал их слышать. И это я тоже понял сразу — ему незачем начинать, спотыкаясь на самых первых ступеньках, как учили музыке меня. Общепринятое нудное, слепое повторение гаммы за гаммой — совсем не то, что зачарованные поиски той сложности, которая и есть музыка. Он просто хотел узнать, что значит то или иное сочетание нот, как оно возникает и что порождает.

Вот и все, что я могу сказать об отношении Джули к музыке в ту пору. Вероятно, знай я до тонкости все пути, которыми Джули шел к познанию музыки, я бы непременно раскрыл их, ведь это очень важно для того, что я хочу о нем рассказать. Точно пушкинский Сальери, он воистину поверял гармонию алгеброй, которая известна была ему одному, и если так ведет прирожденного музыканта его дар, то именно так и шел Джули.

— Как это назвать, если все меняется? — спросил он однажды, когда мы сидели на поленнице.

— Если что меняется?

— Ну, начинает звучать по-другому,— нетерпеливо пояснил он.— Переходит из одной высоты в другую, вверх или вниз. Все звуки сдвигаются и...

— Не пойму, про что ты,— тупо отвечал я.

— Если получается вот так! — сердито крикнул он и взял несколько причудливых аккордов.

В ту пору, в тринадцать лет, вопрос его был мне не по зубам, но со временем до меня дошло, чего он добивался: он хотел, чтоб я объяснил ему переход из мажорного ключа в минорный. А так как я не мог ни понять его, ни объяснить, Джули махнул на меня рукой.

К сожалению, наглухо закрытые двери его духовной жизни помешали ему изучить общепринятое нотное письмо. С самого начала он придумал собственную систему записи, впрочем, она не осталась неизменной. Но первый способ, который я видел, был примитивен и вместе с тем поразителен. Джули садился на корточки возле поленницы, брал палку и с завидной быстротой рисовал на песке всю фортепианную клавиатуру, включая и черные клавиши, которые так его заинтересовали. Потом над нарисованными клавишами или под ними пальцем или палкой ставил какие-то условные значки — не для того, чтобы «играть» на фортепиано, но чтобы лучше разобраться в своих таинственных математических расчетах.

Весь этот школьный год, пока мы, остальные, играли в футбол, в крикет, плавали в речке или просто валяли дурака, он вот так часами просиживал на корточках перед своей песчаной клавиатурой. Но едва кто-нибудь из нас пытался заглянуть через его плечо или спросить, что он там такое рисует, Джули одним махом стирал клавиатуру и уходил прочь.

Продолжение следует.

АМЕРИКА, 1976

Юрий ЖУКОВ

Долгих два года я не был в Соединенных Штатах. Езжу теперь с группой советских общественных деятелей, приглашенных нашими американскими коллегами, по ее восьмирядным дорогам, летаю над ее бескрайними просторами, дважды пересек их вдоль и поперек — от Нью-Йорка до мексиканской границы, потом от Атлантики до Тихого океана, — брожу по задымленным, мрачным каменным ущельям узких улиц больших городов, любуюсь просторами пока еще пустынных равнин Солнечного пояса страны, беседую с сенаторами и студентами, бизнесменами и журналистами — ищу, что же изменилось за эти два года, как живет и чем дышит нынче Америка.

На этот вопрос не найдешь однозначного ответа: многое меняется, а многое остается неизменным. Однажды я написал, что на вопрос «Какова же Америка?» можно ответить так: пестрая! Ну что ж, и сегодня пестрота ее облика резко бросается в глаза. И речь идет не только о внешнем облике ее городов, где рядом с великолепнейшими небоскребами теснятся полузаброшенные кварталы лачуг с выбитыми стеклами в окнах, но и о ее политическом облике.

С одной стороны, многочисленные видные деятели в своих речах, статьях, интервью проклинают разрядку и требуют возвращения к «жесткому курсу» в отношении социалистических стран, а с другой — не менее многочисленные и не менее видные деятели столь же решительно выступают за сохранение и упрочение разрядки.

В самом центре Нью-Йорка, на 5-й авеню, устраивается крикливая антисоветская демонстрация, а в нескольких кварталах оттуда у входа в крупнейший кинотеатр «Рэдио-сити мюзик-холл» с раннего утра выстраивается очередь ньюйоркцев, желающих посмотреть совместно поставленный американскими и советскими кинематографистами фильм «Синяя птица».

Безответственные политиканы вроде бывшего заместителя государственного секретаря Джорджа Болла призывают ограничить деловые связи с СССР и даже «прекратить поездки между Вашингтоном и Москвой», а виднейшие американские фирмы шлют одна за другой в советскую закупочную комиссию новые и новые предложения о поставках промышленного оборудования и о покупке нужных Америке товаров.

Газеты буквально истекают злобой по отношению к нам, печатают одну клеветническую небылицу о советской действительности за другой, а профессора и студенты университетов, которых мы посещали в Аризоне и Калифорнии, представители творческой интеллигенции, с которыми мы встречались в Голливуде, сенаторы и конгрессмены, которые нас принимали в Вашингтоне, горячо высказывались за расширение дружественного сотрудничества с Советским Союзом.

Вице-президент Нельсон Рокфеллер, совершая поездку по четырем континентам в связи с 200-летием США, произносит антисоветские речи, а его брат Дэвид Рокфеллер, председатель «Чейз Манхэттен бэнк», сидя с нами за столом Дартмутской конференции советских и американских общественных деятелей, подчеркивает важность развития взаимовыгодного сотрудничества между нашими странами...

Эта пестрота усугубляется особенностями кампании по подготовке к выборам президента Соединенных Штатов, в разгаре которой мы прибыли сюда. Предвыборная кампания имеет удивительные, свойственные только этой стране черты, которые шокируют и коробят европейца. Перед отъездом в США 20 апреля я прочел в парижской газете «Фигаро» статью «Как «продать» президента», в которой говорилось:

«Еще в 1972 году руководитель одной из крупнейших в США рекламных компаний «Фут Кон энд Белдинг» Джон О'Тул взывал: «Я прошу рекламные фирмы не путать кандидатов в президенты Соединенных Штатов с средствами против пота, а Белый дом с посудой». Но это был «глас вопиющего в пустыне», и в Соединенных Штатах кандидатов в президенты по-прежнему «продают» телезрителям, как какое-нибудь моющее средство...»

С давних пор здесь считается, что в таком деле все средства хороши. И дело тут, конечно, не только в том, что один из кандидатов, выступая по телевидению, непрерывно улыбается, чтобы показать, какие у него белые зубы, а другой причесывается под покойного Джона Кеннеди. Придумываются и пускаются в ход самые невероятные обещания, концепции, лозунги. Рейган, например, хвастался, что если он станет президентом, то не колеблясь вступит в войну, чтобы не допустить восстановления суверенитета Панамы над пролегающим по ее территории каналом, который соединяет Атлантику с Тихим океаном, а Форд, чтобы польстить консерваторам, заявил, что он отказывается произносить в будущем слово «разрядка», и внес в конгресс самый величайший военный бюджет в истории Соединенных Штатов.

Американцы часто уговаривали нас не принимать все это всерьез,— дескать, такие экстравагантности применяются только ради уловления голосов избирателей, а после выборов о них забудут, и все войдет в нормальное русло. Но как забыть, к примеру, о таких вещах, как вполне реальная гонка вооружений, вытекающая из того, что прези-

дент вносит, а конгресс штампует величайший в истории страны военный бюджет, тогда как в Хельсинки США вместе с другими участниками Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе подписались под Заключительным актом, где твердо выражена воля к сокращению вооружений и вооруженных сил?..

Да, пестра, очень пестра Америка семидесятых годов, ничего не скажешь. Ну что ж, попытаюсь все же рассказать о том, что увиделось, что запомнилось из этого калейдоскопа встреч, знакомств, впечатлений.

ЧТО НОВОГО В БОЛЬШИХ ГОРОДАХ

Мы уже давным-давно знаем: есть Америка больших, поистине гигантских городов и есть одноэтажная Америка — страна малых городов, городков, ферм. Так вот, сначала о больших городах. О мегалополисах, как их там называют. Их шестнадцать, и в каждом более двух миллионов. Нью-Йорк, Чикаго, Лос-Анджелес, Филадельфия, Детройт и другие гигантские мегалополисы ширятся и ширятся из десятилетия в десятилетие, вытягивая во все стороны, словно щупальца, свои предместья.

Особенно быстро мегалополисы росли в шестидесятые годы. Растут они и сейчас, вытягивая все выше к небу свои семидесятипятиэтажные, стоэтажные, стодвадцатиэтажные дома из стали, алюминия, меди, титана, бетона, пластика, стекла. Идя навстречу двухсотлетию Соединенных Штатов, они прихорашиваются: у подножия небоскребов бьют фонтаны, возвышаются модные скульптуры, зеленеют молодые деревья, посаженные в кадки с землей, привезенной издалека. Их часто приходится менять: растения быстро задыхаются в бензинном чаду.

Архитектура многих новых небоскребов великолепна. Их силуэты часто фантастичны: иные напоминают пирамиды ацтеков, иные круглые, похожи на гигантские стволы доисторических деревьев, иные напоминают застывшую вдруг волну океанского прибоя.

Стало больше театров, музеев. В Вашингтоне близ Смитсоновского института вынесли на улицы и площади и живописно разбросали копии с подлинников скульптур Родена, Майоля и других великих мастеров. На скверах много белок — радость не только для детей, но и для взрослых.

Но вот озадачивающая на первый взгляд цифра: за последние пять лет около двух миллионов американцев покинули эти мегалополисы, переселяясь в одноэтажную Америку, преимущественно на юг, в так называемый Солнечный пояс. Им уже не милы сверкающие своими ослепительными гранями небоскребы. Они готовы мириться с тоской провинции, столь блистательно показанной Синклером Льюисом в его «Главной улице». Многие из них готовы даже сменить профессию, лишь бы убраться из больших городов.

Что же случилось? Причин тут много. Труднее стало жить в мегалополисе. Труднее найти работу: безработица никак не уменьшается, хотя низшая точка экономического кризиса уже пройдена и производство увеличивается,— хозяева предприятий предпочитают механизацию увеличению численности рабочих. Неизменно растут и цены и налоги. Все труднее становится дышать и в самом прямом смысле этого слова — улицы мегалополисов заполнены густым, никогда не рассеивающимся чадом сотен тысяч автомобилей.

И еще: людей гонит из больших городов страх. Великий, неуемный страх за свою жизнь, за безопасность своих детей, за свое жилище, наконец. О росте преступности в больших американских городах написано и рассказано очень много. Но надо побыть здесь самому, надо побродить (только не в одиночку, а в компании физически крепких, владеющих искусством самообороны друзей!) по улицам этих городов, чтобы отдать себе отчет в том, как далеко это зашло.

Даже в Вашингтоне администрация фешенебельного отеля, который находится в двух шагах от Белого дома, предупреждают вас: не стоит выходить на вечернюю прогулку, всякое может случиться. Лучше проехаться по улицам на автомобиле, но обязательно с поднятыми стеклами и с дверцами, запертыми на замок. И вот вы едете по вечернему Вашингтону, или Нью-Йорку, или Лос-Анджелесу. Сверкают ярко освещенные витрины магазинов. Пляшут разноцветные огни реклам. А на тротуарах — ни души. Лишь кое-где в уголках какие-то подозрительные тени.

По телевидению непрестанно выступают полицейские чины — они ведут кампанию под лозунгом: «Help us help you» («Помогите нам помочь вам»). Даются назидательные советы: какие замки надежнее, как надо вести себя, если к вам кто-то постучится в дверь — неважно, днем или ночью,— что делать, если на вас нападут на улице.

В центре Вашингтона я увидел необычное зрелище. Двое полицейских в отлично выглаженной синей форме, с ярко начищенными бляхами, с револьверами у пояса раздавали прохожим отпечатанные типографским способом инструкции, как надо себя вести, чтобы хоть немного уменьшить риск, с которым связана нынче жизнь в больших американских городах. Подошел к этим стражам порядка и я, и они с ослепительными улыбками вручили мне целый пакет литературы. Вот что я в ней прочел:

«**Насколько безопасен ваш дом!** Пригласите полицейскую инспекцию. Мы проверим, насколько прочны и надежны ваши двери, окна, замки, насколько эффективно действуют установленные вами сигналы, предупреждающие об опасности. Мы дадим вам советы, как улучшить вашу личную безопасность и как спасти (!) ваше имущество. Помогите нам помочь вам. Сегодня же позвоните нам по телефону 626-2000».

А вот деловые советы из этой же литературы:

«— Держать закрытыми двери и окна днем и ночью, даже если вы никуда не уходите.

— Никогда не отворяйте дверь, услышав, что кто-то стучит. Требуйте, чтобы тот, кто постучался к вам, дал удовлетворяющую вас информацию о том, кто он такой.

— Не впускайте в дом человека, который просит разрешения позвонить по телефону из-за какого-то несчастного случая. В крайнем случае позвоните сами по тому номеру телефона, который он вам сообщит.

— Когда вы едете в автомобиле по улице, следите в зеркале, не идет ли за вами следом какая-то подозрительная машина. Увидев это, притормозите и пропустите эту машину вперед. Если она продолжает идти за вами,— езжайте сразу же к ближайшему полицейскому участку или пожарной команде, где могут прийти вам на помощь.

— Если вы воспользовались автобусом или метро, оглянитесь, выйдя на остановке, не идет ли за вами подозрительный человек. Если вы заметили что-то неладное, перейдите на другую сторону улицы. Если на вас нападут, **кричите и бегите** (эти слова в инструкции выделены крупным шрифтом).

— Приближаясь к дому, держите приготовленный ключ в руке. Быстро откройте дверь и немедленно заприте ее изнутри...»

Я привел здесь лишь некоторые из советов, которые полиция столь щедро дает сейчас американским гражданам. Но и этого довольно, чтобы представить себе, какой страх и ужас наводят они на тех, кому полицейские любезно раздают эту литературу...

Наиболее удручающим явлением жизни в этих каменных джунглях нынче стал бурный рост банд подростков и юношей, о чем сейчас так много пишет американская печать. В журнале «Парэйд» 2 мая я прочел большую статью, автор которой бил тревогу по поводу того, что эти юношеские банды все чаще прибегают к использованию огнестрельного оружия, которое, как известно, в Соединенных Штатах продается свободно. С 1972 по 1974 год включительно только в пяти крупных городах эти банды застрелили 525 человек. Численность юношеских банд быстро растет — пять лет тому назад в Нью-Йорке, Чикаго, Лос-Анджелесе, Филадельфии, Детройте и Сан-Франциско было, согласно полицейской статистике, 760 юношеских банд, в которых участвовало 28 500 человек, а сейчас их уже 2 700, и в них участвует уже 81 500 человек.

Великое дело — статистика, но вряд ли жертвам бандитских налетов каких-нибудь «Диких черепов» или «Королевских кобр» станет легче, если они узнают, с какой заботливостью и тщательностью полиция ведет учет численности бандитов...

Стоит ли удивляться после всего этого, что у американцев пропадает желание жить в больших городах и их все более неудержимо тянет в старую, добрую одноэтажную Америку?

В СОЛНЕЧНОМ ПОЯСЕ

С Аризоной я до сих пор был знаком только по кинофильмам — эта огромная, пока еще пустынная территория, пересеченная фантастически красивыми зубчатыми горными цепями, явилась находкой для режиссеров Голливуда, которые снимают здесь бесчисленные ковбойские и прочие фильмы. Солнце светит в Аризоне круглый год, дождь здесь — редкость.

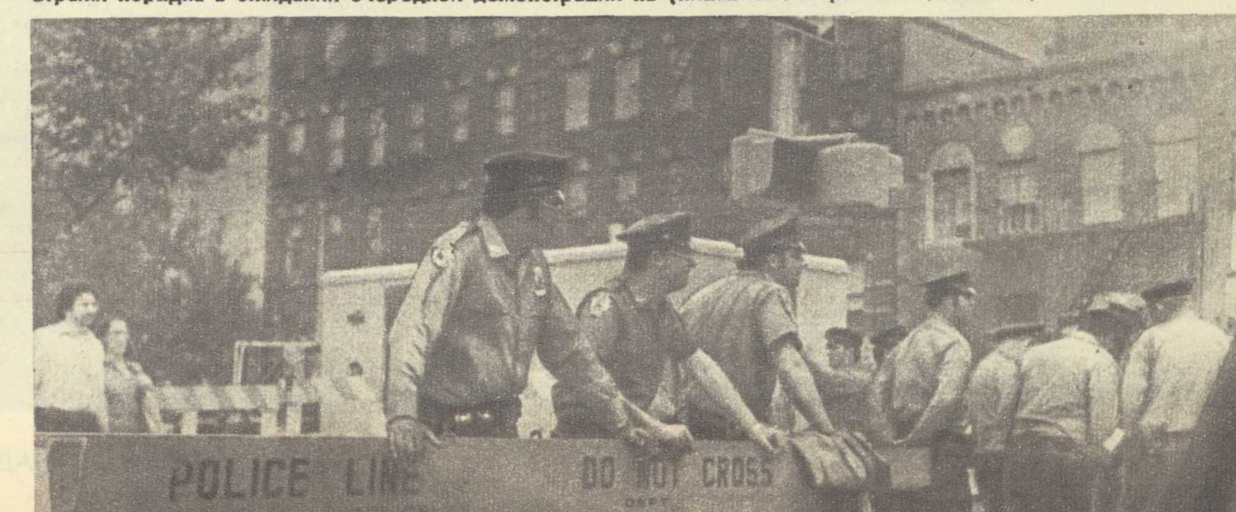
Мы прилетели сюда, чтобы встретиться в крохотном уединенном городке Рио-Рико с видными американскими общественными деятелями для откровенного разговора о международных делах. Прожили и плодотворно поработали несколько дней, а редкие свободные часы использовали для знакомства с этим интереснейшим районом Солнечного пояса, который охватывает весь юг Соединенных Штатов — от Флориды до Калифорнии.

Не устаешь любоваться красотами этого удивительного и своеобразного края, который словно перенесен на землю с какой-то другой, неведомой планеты. Розовые и фиолетовые горы. Синее-синее небо, без единого облачка. Причудливые леса из кактусов, удивительно изогнутые стволы которых равны по высоте двухэтажному дому и украшены яркими цветами. Давно высохшие русла рек. Безмолвие,

«Парики. Торговля оптом и в розницу».

Стражи порядка в ожидании очередной демонстрации на улицах Нью-Йорка... Фото автора

тишина. И воздух, кристально чистый воздух, какого уже давно нет на задымленном севере.

Но эта пустыня уже прорезана прямыми, как стрелы, широкими автострадами. Их сеть множится, огромные дорожные машины каждый день укладывают новые и новые километры асфальтобетона. В пустыне растут корпуса заводов. Ширятся поселки. Фермеры, прикочевавшие сюда откуда-то, спешат приобрести землю, бурят глубокие — по двести — триста метров — скважины, устанавливают ветродвигатели, и вот уже по бетонным лоткам бежит живительная влага и там, где, казалось бы, и чертополоху не расти, расстилаются изумрудные поля низкорослой высокоурожайной пшеницы, сорго, кукурузы...

В Аризоне уже два миллиона жителей — с 1970 года население здесь возросло на 25 процентов. Но полтора миллиона из них находятся всего лишь в двух городах: в Фениксе, столице этого штата, и в Тусоне,— он почти рядом с Рио-Рико, где мы в эти дни живем и работаем, каких-нибудь полтора часа езды. В 1950 году в Тусоне было около пятидесяти тысяч жителей, а сейчас уже полмиллиона. (Половина из них — белые американцы, сорок процентов — мексиканцы, десять процентов — негры. А индейцы, коренные жители Аризоны и основатели Тусона? Они не в счет, живут в своих резервациях. Нас туда так и не свозили ни разу, говорят, не хватило времени в нашем распорядке дня. Сказали только, что половина из них, к сожалению, безработные.)

Приток переселенцев все возрастает. С 1970 по 1975 год с севера и востока на юг и на юго-запад и запад — в Аризону, Флориду, Неваду, Айдахо, Колорадо — переселилось 2 537 000 человек.

Недавно репортеры журнала «Тайм» опрашивали людей, переезжающих на юг: что влечет их в эти жаркие, безводные и пока еще все же пустынные места?

Плотник Уолтер Мэтзингер из Филадельфии сказал: «Решение я принял два с половиной года тому назад,— начал задыхаться в проклятом бензинном чаду. Я сказал себе: «Хватит!»,— упаковал вещички и укатил на юго-запад». Сегодня он живет и работает в Тусоне — стал подмастерьем каменщика.

Такое же решение — бросить все и мчать на юг — приняли аспирант юридического факультета университета в Беркли (Северная Калифорния) Скотт Сноуден, зубной техник Вильям Менцель из Олбани (штат Нью-Йорк) и многие другие. Их влекут к Солнечному поясу не только чистый воздух и широкие просторы, им хочется более спокойной и, главное, безопасной жизни. Не случайно особенно сильную тягу на юг испытывает более зажиточная часть населения, напуганная ростом преступности в мегалополисах — так считает, например, социолог Эндрью Хаккер.

«Преступность,— заключает журнал «Тайм»,— именно этот мотив чаще всего выдвигается жителями больших городов, решающими бросить все и ехать в пока еще пустынные районы Америки. Почти все они рассказывают ужасные истории об ограблениях на улицах, об опустошенных ворами домах, о детях, отравленных наркотиками».

И еще одно обстоятельство играет свою роль в этих кругах населения, принадлежащих к «среднему классу», как принято выражаться в Америке: с некоторых пор большие города начали «чернеть» — в них поселяется все больше негров, и вот белые американцы, отравленные расовыми предрассудками, предпочитают уехать к черту на рога, лишь бы не жить рядом с «черномазыми»...

Так или иначе, Солнечный пояс, веками остававшийся пустынным, быстро заселяется приезжими северянами. Знамение времени — сюда же начинает перекочевывать и промышленность. Предприниматели подсчитали, что им выгоднее переводить свои заводы именно сюда: здесь меньше налоги, дешевле земля, дешевле и рабочая сила.

Но вот вопрос: надолго ли хватит подземных вод, чтобы утолять все возрастающую жажду зарождающихся в Солнечном поясе новых индустриальных центров? И что же ждет этот район нового бума, если источники живительной влаги вдруг иссякнут? Ответ на сей каверзный вопрос пока еще не найден.

ВЗГЛЯД ИЗ АРИЗОНЫ ВО ВНЕШНИЙ МИР

В эти дни мы, участники бесед в Рио-Рико, вставали рано. И всякий раз, естественно, включали телевизоры в своих гостиничных номерах. Газеты из больших городов туда не доходили, местная пресса там довольно бедна новостями, а телевидение начиная с 6 часов утра и до глубокой ночи буквально захлестывало нас потоком сообщений на самые разные темы.

Как известно, телевидение в Америке играет особую, чрезвычайно важную роль в политической жизни страны. Сколько бы нас ни убеждали наши американские собеседники, будто бы там царит полная свобода информации и комментаторы вольны говорить кто во что горазд, мы изо дня в день видели обратную картину. Какой канал телевидения мы ни включали бы, на какую волну ни настроили бы свой радиоприемник, мы неизменно получали одно и то же дежурное блюдо «целенаправленной информации», тон которой задан невидимым, но безотказно действующим камертоном.

Три-четыре дежурных идеи, заданные на день, на неделю, на месяц, ловко вколачивают в головы слушателей каждые полчаса: в шесть утра, в шесть тридцать, в семь, в семь тридцать, в восемь, в восемь тридцать. А вечером новые и новые повторы... Эти идейки преподносятся в виде выпуска последних известий, затем их аранжируют на разные мотивы комментаторы и журналисты, берущие интервью у государственных деятелей.

В эти майские дни дежурными были такие идейки: а) Советский Союз ведет безудержную гонку вооружений и хочет захватить мировое господство, стало быть, нужно усилить военную мощь США; б) Советский Союз и Куба начали захват Южной Африки, стало быть, нужно еще больше усилить военную мощь США; в) коммунисты Западной Европы по тайному сговору с Советским Союзом готовятся захватить власть в Италии, Франции, Испании, Португалии и в других странах, стало быть, нужно усилить военную мощь НАТО.

Любому здравомыслящему человеку, мало-мальски знакомому с политикой Советского Союза и братских социалистических стран, а также с принципами мирового коммунистического движения, должно быть ясно, что эти тухлые идейки, заимствованные из архива «холодной войны», не стоят и выеденного яйца. Но вот поди ж ты, многие наши американские собеседники, даже из числа ведущих представителей так называемой элиты, готовы были часами вести с нами дискуссии, допытываясь, а не готовимся ли мы, часом, действительно захватить мировое господство с помощью хитро задуманного коммунистического заговора.

И все же благотворное веяние разрядки, достигнутой вопреки тем, кто дирижирует средствами массовой информации и ловко организует одну антисоветскую кампанию за другой, в конечном счете сказывалось, и нам удавалось находить общий язык по кругу тех вопросов, которые представляли общий интерес.

А круг этот уже весьма широк, и он становится все шире: вопреки бешеной кампании против разрядки и сотрудничества с социалистическими странами многие образованные американцы говорили нам, что они все же за разрядку, за дальнейшее конструктивное углубление отношений с Советским Союзом, что они против гонки вооружений, за которую ратуют Пентагон и военно-промышленный комплекс, за развитие экономических связей и, конечно же, за самый широкий культурный обмен.

Запомнился наш визит в университет города Тусон. Признаться, этот визит для нас явился приятным сюрпризом: мы и не подозревали, что в этом городе, затерянном в пустыне, существует первоклассный университет, один из двадцати пяти крупнейших в стране. Здесь учатся тридцать тысяч человек, в том числе тысяча четыреста иностранцев. Каждый четвертый учащийся — аспирант. В распоряжении студентов первоклассное оборудование, в том числе большой вычислительный центр, крупнейший телескоп и очень многое другое.

В университете хорошо поставлена научная работа. Его профессуре, например, была поручена разработка нескольких проблем, связанных с высадкой человека на Луне, и эта задача была успешно выполнена. В отличных лабораториях медицинского факультета достигнуты важные результаты в разработке проблемы борьбы с раком.

Но больше всего нас поразило даже не это, а высокий уровень научных связей далекого-далекого Тусонского университета с советскими высшими учебными заведениями. И главное — искреннее, неподдельное желание профессуры и студентов развить эти связи еще больше. Все это вопреки той неистовой обработке мозгов американцев в антисоветском духе, которая ведется всеми средствами массовой информации и бесчисленными политическими деятелями с утра до ночи на протяжении многих лет.

Беседуем с профессором Хаузеном, руководителем кафедры антропологии. Он просит нас передать его привет профессору Окладникову из Новосибирска — оказывается, они совместно изучают историю заселения американского материка. Оба пришли к выводу, что первые люди пришли в Америку из Сибири по перешейку, который впоследствии исчез — сейчас на его месте Берингов пролив.

Беседуем с доктором наук Раймондом Клейном. Оказывается, он недавно побывал в Иркутске, Братске, Ташкенте, Бухаре. Дело в том, что его специальность — создание наглядных пособий для обучения студентов. Никакого изобразительного материала о Советском Союзе в Соединенных Штатах не найдешь днем с огнем, если не считать бредовой антисоветчины. И вот Раймонд Клейн купил за 2200 долларов туристскую путевку, поехал по избранному им маршруту, снял фильм и сделал множество цветных слайдов.

Когда он показал свой фильм и слайды студентам, они были потрясены. Многие из тех, кто находился под влиянием антисоветских телевизионных идеек, отказались верить своим глазам: оказывается, в СССР люди как люди — улыбаются, прилично одеты,— не хуже американцев, они не похожи на умирающих с голоду, какими их изображают в Соединенных Штатах.

Беседуем с профессором истории Грегори Освальдом. Он довольно чисто говорит по-русски. Где изучал наш язык? Профессор улыбается: в конце второй мировой войны, когда американские войска встретились с советскими, он был офицером связи с советским командованием. И вдруг просит: «Пожалуйста, передайте привет вашему писателю Леониду Леонову. Мы с ним встречались в Фениксе, когда он приезжал в Аризону. Отсюда он увез целый чемодан кактусов. Интересно, выжили ли они в климате Советского Союза?»

Беседуем с профессором ботаники Корнелиусом Стилингом, он же председатель совета профессоров. Стилинг работает над жизненно важной проблемой получения протеина из древесины. В этой работе он сотрудничает с ленинградским профессором ботаники Алексеем Шевердиным. Они обмениваются опытом, шлют друг другу на пробу полученные ими вещества. Оба уверены, что лет через пятнадцать науке удастся наконец решить проблему, над которой работают, и это будет иметь огромное значение для обеспечения питанием человечества.

Профессор Стилинг рассказывает, что летом 1970 года он был в Советском Союзе. Вспоминает, как летел самолетом из Москвы в Ташкент, а рядом сидел узбек и читал «Правду». Это показалось ему тогда удивительным. Но еще более удивительным оказалось для него то, что они сумели с ним объясниться и узбек перевел ему из «Правды» сообщение о результатах парламентских выборов в Англии...

И все это в Аризоне, в штате, который слывет консервативным — его представляет в сенате небезызвестный Голдуотер. У дороги, ведущей из Рио-Рико в Тусон, я сфотографировал огромный плакат: «Соединенные Штаты должны выйти из ООН!» И тем не менее даже здесь, в глубине Аризоны, мы нашли множество сторонников упрочения разрядки и сотрудничества с Советским Союзом...

Рембрандт Харменс ван Рейн. 1606—1669. ДАМА С ВЕЕРОМ. 1633. Музей Метрополитен, Нью-Йорк.

Джованни Баттиста Морони. Родился около 1525. Умер в 1578. ПОРТРЕТ БАРТОЛОМЕО БОНГИ. Примерно 1552—1553.

Музей Метрополитен. Нью-Йорк.

Николай СИЗОВ

ИЗ ЦИКЛА «НЕВЫДУМАННЫЕ РАССКАЗЫ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Коралловая БРОШЬ

— Так что пора, товарищ советник, приглашать мадам Нечаеву и ее Дон-Жуана,— подытожил Снежков свой доклад о результатах поездки в Краснодар. Снежков говорил несколько приподнято, он все еще находился под впечатлением от своего вояжа. Кудимов согласился:

— Да, пожалуй, можно и вызывать. Здесь мы тоже навели кое-какие справки. И о Бородулине в том числе.

— Вероятно, любопытный малый? Не зря же Нечаева влюбилась в него до безумия.

— Влюбилась? Ты убежден в этом?

— Полностью.

— Даже так? Ну что же, бывает. Посылай ему телеграмму. Только с его начальством предварительно согласуй.

И вот Михаил Бородулин перед Кудимовым и Снежковым. Модно и даже броско одетый, длинные, по плечи волосы, ухоженные баки.

— Мы вас вызвали по поводу несчастного случая с инженером Нечаевым.

— Я это понял и, не скрою, удивился. Все, что мне известно, я сообщил при первой же нашей встрече. Нового сказать ничего не могу, ибо ничего больше не знаю. Какая надобность была в том, чтобы отрывать меня от дела, немаловажного, между прочим, тащить сюда за тысячу километров, чтобы услышать то, что уже известно, что черным по белому записано в ваших протоколах?

— Понимаете, Михаил Яковлевич, вскрылись некоторые новые обстоятельства.

— Что, может, меня подозревают в убийстве?— с сарказмом спросил Бородулин и попросил разрешения закурить.

— Курите, пожалуйста.

— Я могу лишь повторить, что говорил ранее. И какие бы новые обстоятельства вы по этому делу ни обнаружили, я к ним отношения не имею. Да и какие еще могут возникнуть обстоятельства? Полез человек на столб, обмишурился по собственной глупости, забыв, видимо, элементарные законы физики. Что тут может возникнуть нового?

— Возможно, и так, Михаил Яковлевич. Но не объясните ли нам некоторые обстоятельства, связанные с этой вещицей?— Кудимов поставил перед Бородулиным коробку с коралловой брошью.

— Что я должен объяснить?

— Эту брошь Нечаевой подарили вы?

Окончание. См. «Огонек» № 34.

Бородулин не спеша раскрыл крышку, пристально осмотрел брошь и аккуратно отодвинул сувенир от себя.

— Отличная вещица,— промолвил он.

Кудимов нахмурился.

— Отвечайте на вопрос. Вы подарили?

— Да, я. Но что из этого следует?

— И записка ваша?

— Какая записка?

— Посмотрите, она под брошкой.

Бородулин плохо слушающимися пальцами достал записку, прочел.

— Ваша записка?

— Моя. Но...

— Как все это можно объяснить?

— Слушайте, товарищи следователи. Вы не забыли, что вам далеко не все позволено? Вы, кажется, и впрямь хотите прилепить мое доброе имя к этому делу? Осторожнее, знаете ли.

— Вы ответьте на вопрос.

— Ну, а что тут можно ответить? Да, я подарил эту безделушку Нечаевой, черкнул несколько ничего не значащих слов. Что из этого следует? Из мухи слона делаете.

— А как вы оцениваете вот это свидетельство? Соответствует ли оно действительности? — Кудимов положил перед Бородулиным показания Самохиной.

Бородулин надел очки, потом снял их, протер, надел вновь. Долго, шевеля губами, читал листки, положенные перед ним. Затем хрипловато проговорил:

— Невероятно. Гражданка Самохина явно превратно поняла наши отношения.

— Но вы ведь оценивали их точно так же и даже гораздо определеннее. Припомните ваши разговоры с Игорем Синягиным, Василием Кучеренко и Смирновым Николаем. Вот читайте их показания.

Снежков еще до приезда Бородулина прочитал эти протоколы и вновь сейчас подумал: Кудимов не сидел тут сложа руки, пока он ездил на Кубань. Показания приятелей Бородулина были очень существенны для дела, и Кудимов со Снежковым с интересом ждали реакции Бородулина на эти документы.

Бородулин медленно читал одно, другое, третье показание и наконец со вздохом отодвинул папку с протоколами.

— И вы всерьез поверили в эти сказки? Не ожидал, знаете ли. Надо же отличать мужскую болтовню от серьезного разговора. Кто из нас не прихвастнет после рюмки-другой о своих успехах у женщин?

— И все-таки вам придется все это объяснить.

Бородулин лихорадочно стал обтирать вспотевший лоб, нервно загасил сигарету.

— Скажите, а на моей службе об этом... Если я расскажу... Ну, обо всей этой истории будут знать?

Кудимов пожал плечами:

— Смотря что будет установлено.

— К смерти Нечаева я отношения не имею. Я тут совершенно чист. Но, понимаете, я на ответственной работе... И естественно...

Кудимов его сухо прервал:

— Я прошу вас говорить по существу. И уясните себе, пожалуйста, если вы так озабочены своей репутацией, что ложь и увертки вам не помогут, а скорее повредят. Очень советую помнить это.

Бородулин вскинул голову:

— Я отвечу на ваши вопросы. Но прошу перенести разговор на завтра.

— Почему же?

— Хочу все еще раз обдумать.

Кудимов и Снежков переглянулись. Значит, товарищ Бородулин не так-то уж чист в этой истории?

— Ну что же, завтра так завтра,— согласился Кудимов.

Когда утром следующего дня Снежков вошел в комнату Кудимова, тот стоял у окна, нервно курил сигарету и читал какую-то бумагу.

— Давай, давай, заходи. Очень интересная новость,— торопливо пригласил он.

— Какая же?

— Вот читаю заключение экспертизы. Слушай выводы: «Отпечатки пальцев на рукоятке рубильника силового щитка в сарае принадлежат гражданке Нечаевой». Как тебе это нравится?

— Что же выходит? Она выключила... Затем...

— Затем включила. И все. Потребовались лишь секунды. Так что твоя догадка, что Нечаев не о каких-то там ключах кричал жене, а просил выключить рубильник, оказалась верной. Поздравляю тебя.

— Вот видите, а вы меня не цените.

— Всему свое время, капитан. А теперь садись за стол. Будем беседовать с гражданкой Нечаевой. Посмотрим, что она нам будет говорить.

— Не думаю, что легко признается даже при наличии таких улик. Будет выкручиваться, и основания для этого кое-какие есть.

— Например?

— Например: почему отпечатки пальцев на рубильнике обязательно надо связывать с одиннадцатым августа? Она могла их оставить раньше.

— Нечаева заявила дважды и категорически, что в сарай она не ходила вообще. Это зафиксировано в протоколах допроса.

— Логично и убедительно. С нашей точки зрения. А вот как она все это будет объяснять?

— Это мы сейчас увидим и услышим.

Нечаева вошла в кабинет Кудимова спокойная, собранная. Почти двухмесячное пребывание в больнице явно пошло ей на пользу. Она посвежела, темные, набухшие полукружья под глазами расправились. В меру были подведены брови и ресницы, аккуратно подстриженные ногти поблескивали розовым перламутром.

— Я вас слушаю, товарищи. Видимо, опять по делу Володи?

— Да, все по тому же делу.

— Но я уже все рассказывала. Самым подробным образом.

— Да, да, мы знаем. Но дела такого рода быстро не заканчиваются. Вот и у нас возникли не-

которые дополнительные вопросы.

— Пожалуйста, если смогу, с готовностью отвечу на них.

— Первый вопрос по поводу вот этой брошки.— Кудимов выставил на стол футляр, открыл его.— Это ваша брошь?

— Да, моя. Только пропала она куда-то. Искала я ее, искала, да так и не нашла.

— Ее нашли за наличником окна в спальне.

— Да? Как же она попала туда?

— Это мы у вас хотим спросить. Припомните, пожалуйста.

Нечаева долго морщила лоб.

— Кажется, действительно я ее туда положила. Что-то такое было.

— А что же именно?

Нечаева игриво улыбнулась.

— Ну, не все должен видеть муж, что покупает жена.

— Да, вероятно, бывает и так. Но брошь-то некупленная, с ней вместе находилась и эта вот небольшая записка. Взгляните.

Прочтя записку, Нечаева уже без прежней игривости проговорила:

— Да, все верно. Это подарок одного знакомого.

— Михаила Бородулина. Так?

— Вам и это известно? Быстро, однако. Буду теперь знать, что с нашими криминалистами держи ухо востро,— скривив в усмешке губы, проговорила Нечаева и вся напряглась, ожидая следующего вопроса.

— Были и другие подарки?

— Ну, а что тут особенного?

— Замшевое пальто, синий брючный костюм — это тоже подарки Бородулина?

— Да, его. Мы ведь друзья.

— Друзья? И только?

Нечаева возмущенно повела плечами.

— На этот вопрос я отвечать не буду.

— Пожалуйста. Это ваше право. Но из материалов дела явствует, что вы очень сильно докучали мужу своей ревностью. Поводы же для этого скорее были у него, а не у вас.

— А вам не кажется, товарищи следователи, что все это сугубо личное, интимное? И к делу отношения не имеет.

— Имеет, и довольно существенное. Ваше поведение по отношению к Нечаеву было провокационным. Якобы на почве ревности вы терзали его скандалами, хотели допечь, доконать, добиться, чтобы ушел. Нечаев мучился, начал попивать, сам стал огрызаться... но... не уходил. Да и не собирался. И тогда...

— Что же тогда?— хрипло спросила Галина.

— Тогда наступило 11 августа. Случай с оборванными проводами. Все вы сделали удивительно тонко, в уме вам отказать нельзя.

Нечаева, поперхнувшись, выдавила из себя:

— За комплимент спасибо. Но что я сделала? Послала его исправить пробки? Кто мог предположить, что все так кончится?

— Не спешите, Галина Григорьевна. Давайте разберемся вместе. Расскажите еще раз подробно, как погиб муж.

— Но я уже все и не раз рассказала. Произошло это буквально в какие-то доли минуты. Он вышел на улицу. Потом, я слышу, зовет меня. И только я вышла, на столбе, куда он забрался, появилась зеленоватая вспышка, и Владимир, вскрикнув, упал вниз. Вот и все.

— Что он кричал вам, когда вы вышли из дачи?

— Ну, я не помню. Просто звал меня.

— Прасковья Фомина показала, что он кричал что-то вроде «ключи», «ключи»...

— Не помню, не знаю. При чем тут ключи? Какие ключи? Я не слышала этого.

— Зачем же он звал вас?

— Видимо, чтобы я помогла в чем-то. А сказать не успел.

— А зачем вы забегали в сарай, когда вышли после его зова?

— В сарай? В сарай я не заходила.

— А раньше?

— Раньше бывала. На даче мы прожили не один день. Мало ли хозяйственных надобностей бывает.

— Но на прежних допросах вы утверждали, что не ходили туда, так как сарай вам не принадлежал.

— Правильно, он принадлежал только хозяйке, но ходить в него я могла.

— Так ходили или не ходили? Припомните точно.

— Говорю же вам: бывала. Из-за того же света. Он пропадал и раньше. Помню, ходила туда, чтобы узнать, в чем дело.

— Вы говорите неправду, Нечаева. Свет на даче выключался дважды. Первый раз в июне, во время грозы, и притом во всем поселке. Подстанция включила его вновь через пятнадцать минут. Второй раз неполадки со светом были второго августа. Отошли контакты пробки. Бородулин, как вы помните, справился с «аварией» за пять минут. Так что и в этом случае выяснять, «в чем дело», не требовалось.

— Возможно, я запамятовала что-то. Допускаю. Но почему вас не устраивает...

— Нас может устроить только истина, гражданка Нечаева. Только она. И поэтому ответьте нам четко и ясно: зачем вы заходили в сарай 11 августа, когда Владимир вас вызвал из дачи?

— В тот вечер я не была там, утверждаю это категорически.

— Но и Прасковья Фомина и Михаил Бородулин утверждают, что видели в окно, как вы, выйдя из дачи, побежали к сараю. И только потом была вспышка.

— Вы знаете, в такие трагические моменты трудно запоминать течение событий в деталях. Но в сарай не заходила. Да и что мне там делать?

— Вам было что там делать, Нечаева. На рубильнике силового щитка обнаружены отпечатки ваших пальцев. Вот послушайте заключение дактилоскопической экспертизы...

Нечаева слушала заключение экспертов, нахмурив тяжелый лоб.

— Это еще ни о чем не говорит. Я буду опротестовывать это заключение.

— Опротестовывать заключение можно, но бесполезно. Вы лучше думайте, как оправдать наличие следов пальцев вашей руки на рубильнике,— сухо заметил Кудимов. А Снежков добавил:

— И еще вам следует подумать, как объяснить ваши слова Бородулину в прихожей тут же после звонка в «Скорую»: «Вот я и свободна...»

— А кто мог слышать такое?— вскинулась Нечаева.

— Это подтверждается показанием Бородулина.

— Мишель не мог этого сказать, не мог. Не верю.

— Вы можете ознакомиться с его показаниями. Кроме того, вам предстоит встреча на очной ставке.

...На очной ставке с Бородулиным Нечаева вела себя нервно, возбужденно, лихорадочный румянец покрыл ее щеки, она то и дело заискивающе улыбалась Бородулину. Но ее попытки найти контакт с ним ни к чему не привели. Бородулин был во власти животного страха и думал только о том, как выпутаться из всей этой опасной истории, не очутиться рядом с Нечаевой.

Она, улучив момент, взяла его руки в свои, хотела сказать что-то, но вдруг отбросила их, словно наткнувшись на что-то раскаленное, обжигающее.

Не составляло особого труда распознать душонку этого хлыща, догадаться о его мыслях. И Нечаева «прозрела». Глаза ее налились ненавистью.

— Так-то сдержал свое слово! Трех месяцев не прошло... Подлец... Какой же ты подлец!

Бородулин сидел, втянув голову в плечи, и все прятал, закрывал другой рукой обручальное кольцо, сверкавшее у него на пальце и которое так опрометчиво не снял он, идя сюда.

Нечаева вытащила белый кружевной платок, тщательно вытерла руки, словно стараясь не оставить и следа от недавнего прикосновения, и, обращаясь к Кудимову, твердо, с нотками нервного вызова проговорила:

— Теперь мне терять нечего. Я расскажу все. Но пусть и этот ублюдок получит свою долю.

Длинный, занявший целых три дня разговор с Нечаевой, почти столь же продолжительный допрос Бородулина, несколько встреч с Фоминой, с Самохиной, скрупулезное изучение прежних материалов позволили Кудимову и Снежкову предельно точно восстановить события, происшедшие 11 августа.

...Владимир Сергеевич Нечаев, инженер-технолог стеклокомбината, приехал в Приозерск десять лет назад после окончания института. Слыл он в некоторой мере оригиналом в силу того, что все еще ходил в холостяках. Малоразговорчивый, застенчивый и медлительный, он увлекался немногим: вечно что-то изобретал у себя в цехе и постоянно пропадал в самодеятельной студии драматического искусства при заводском Доме культуры. Здесь-то он два года назад и встретил свою «психею» — Галину Лагутенко. Увидел и онемел. Сам-то Нечаев, может, и год, и два, и больше ходил бы вокруг да около, но Галина в ответ на его воздыхания проговорила довольно деловито:

— Вы что же, предложение мне делаете?

— Можно и так считать.

— Ну что же, чему быть, того не миновать.

Как более энергичная и решительная натура, Галина быстро взяла в свои руки руль семейного корабля. Гибкая, поджарая, с длинными, крепкими ногами, она стремительно носилась по квартире, наводя здесь свой порядок и свой стиль.

— Нечаев, прими-ка эту тяжеленную статую. Ну и что, что это твоя премия. Пусть в кладовке лежит. Поставим сюда вот эту штуку. С трудом ее вырвала в художественном салоне.

— А что это такое?— рассматривая замысловатую путаницу рук и ног, с недоумением спросил Нечаев.

— А ты что, не сечешь в абстрактном искусстве? Мне тебя жаль, Нечаев.

Сама она тоже в этом искусстве понимала мало, наверное, даже меньше Нечаева, но верхушек нахваталась предостаточно и старалась, чтобы все было «в духе времени».

Нечаев относился к хозяйственному рвению Галины снисходительно и даже с одобрением. В конце концов, раз ей нравится, значит, это хорошо. Он относился к жене с каким-то робко-трепетным обожанием, боготворил ее, считал, что ему удивительно повезло в жизни. В одно из воскресений к Нечаевым нагрянули девчонки из театральной студии и заклевали Нечаева за то, что жена у него бледненькая, худенькая и плохо выглядит. Нечаев отнесся к этому упреку предельно серьезно. Куда-то пропадал несколько воскресений подряд, а потом пригласил жену поехать в Сосновку.

— Зачем?

— Я там дачку приглядел. Вернее, полдачи. Две комнаты, веранда, отдельный вход и участок есть. Небольшой, правда, но уютный, солнечный такой.

— Дачку? И мне ничего не сказал. Ну, ты хитер, Нечаев!

— Лишь бы тебе понравилась.

Дача Галине понравилась. А когда Нечаев принес документы, из которых явствовало, что покупка оформлена на ее имя, Нечаева горячо расцеловала супруга.

Скоро, хотя шел только апрель, Нечаевы перебрались на лоно природы. Так как Галина все еще не бросала мысль поступать на курсы иностранных языков («Только туда, и никуда больше. Хочу мир увидеть»), муж предложил ей уйти с работы. Тем более, что и хлопот по даче оказалось немало. Галина изо всех сил старалась придать ей модерновый стиль. Учебники пока лежали в шкафу нетронутыми.

Как-то Фомина пригласила Нечаевых на скромное пиршество по поводу приезда родственника.

Племянник Фоминой — Михаил Бородулин, тридцатилетний, рослый, атлетически сложенный парень, с черной, отливающей синью гривой волос, много рассказывал интересного и беседу и все веселье за столом полностью взял в свои руки. А в конце и свою тетю и даже Нечаева заставил станцевать что-то дико африканское. А с Галиной он чего только не откаблучивал под бесконечные катушки какого-то заграничного магнитофона!

Ночью, когда ушли от Фоминых, Галина поделилась с мужем:

— Какой удивительно современный этот Мишель!

— Да, оригинальный малый.

На Бородулина Галина тоже произвела некоторое впечатление, и он сразу же стал оказывать ей подчеркнутое внимание. Времени у обоих было более чем достаточно. Совместные прогулки на реку, купание, томительное безделье за чашкой кофе с коньяком («За рубежом делают только так») сблизили их настолько, что для перехода последней грани оставалось совсем немного.

Бородулин неукоснительно и настойчиво пел Галине дифирамбы: и какая она особая, и какая чудесная, и какой у нее изысканный, утонченный вкус. Высказался как-то о том, что неудачного она подобрала себе супруга...

Галина легонько погрозила ухажеру пальцем. Однако не возмутилась, не пресекла его злой насмешки. Оказалось, что, по правде, она думает так же. Сговор, хоть и негласный, таким образом, состоялся. И в этот же вечер была перейдена последняя грань, к чему стремились, в сущности, оба.

Нечаева понимала, что Владимир может догадаться, узнать о ее связи с Бородулиным, и, чтобы предупредить это, сама стала обвинять мужа во всех смертных грехах.

Нечаев, как и раньше, приезжал домой лишь вечером, но теперь его встречали не просто шумными упреками, а обвинениями в шлянье, пьянках, в подозрительных отлучках. Будь Нечаев человеком похитрее, житейски поопытнее, он, конечно, раскусил бы эти ухищрения. Но куда там. Он утешал себя мыслью: «Значит, очень любит, раз ревновать начала».

В самодеятельной драматической студии Дома культуры немало было хорошеньких заводских девчат. Нечаев репетировал с ними целыми месяцами, готовя какой-нибудь драматический опус. Со всеми он был запросто. Ниночка, Верочка, Машенька... Это была обычная его форма обращения со студийками. Зайдя как-то на репетицию в Дом культуры и увидев мужа в окружении этих молодых девчат, Нечаева подумала со злостью: «Ну, милый, ты тут тоже, поди, не без греха...»

Вечером она ему устроила «концерт».

— Гарем целый завел, стыд, срам!

Нечаев, обескураженный донельзя, оправдывался, в ужасе махал руками и с превеликим трудом утихомирил супругу. Но ссоры и скандалы после этого стали еще агрессивнее, повторялись все чаще. Нечаев решил выяснить, в чем все-таки дело. Но нарвался лишь на крик, истерику, ругань. Постепенно это вошло в норму их жизни. Он уже не стремился скорее приехать в Сосновку. Чтобы как-то провести время, заглушить остроту боли, выпивал в привокзальном ресторане рюмку-другую, запивал пивом и, уравновесив таким образом свое состояние, взбодрив дух и обретя некоторую толику смелости, отправлялся домой. Но теперь ему уже приписывались и кутежи, и пьянки, и вакханалии в объятиях поклонниц.

Причина столь нервного, взвинченного состояния Галины, однако, была в другом. Приближалось время отъезда Бородулина. Он опять отбывал куда-то. В начале их близости он убеждал Нечаеву, что она создана не для такого пентюха, как Нечаев, что ей надо быть с ним — с Бородулиным. Теперь разговоров на эту тему он старался не заводить. Галина же все настойчивее спрашивала: как дальше? Ты уедешь, а как же я?

Бородулин старательно внушал ей сдержанность.

— Галя, пойми, у тебя есть муж. Не могу же я повезти с собой за рубеж чужую жену. Если бы даже захотел — никто мне этого не разрешит.

— Но надо искать выход. Я не люблю его больше, не могу жить с ним. Неужели тебе это не ясно? Я люблю тебя и только тебя.

— Все это, Галчонок, хорошо, но давай трезво смотреть на вещи. Вместе мы пока быть не можем.

— Я разведусь с ним.

— Почему? Какие причины ты выдвинешь в суде?

— Не хочу, вот и все. Полюбила другого — тебя. У нас же не итальянские законы, разведут.

— Это, конечно, верно. Но взвесить все последствия такого шага все-таки нужно. Развод, суд — все это быстро не бывает. А мне уже через две недели в путь. И, главное, все надо сделать тихо и мирно. Чтобы не выглядело аморально. Нет, Галчонок, я бы не спешил. Освободиться тебе от семейных уз нужно. Но умно, не спеша.

— Ты не шути, Михаил. Я ведь такая. Все сделаю...

— Ну и я все сделаю, о чем речь?— Бородулин, чтобы придать значение своим словам, наигранно, взволнованно проговорил: — Как станешь свободным Галчонком, дай мне знать. И мы будем вместе.

Выйдя от Галины, Бородулин с облегчением подумал о том, что осталось совсем немного времени до отъезда и вся эта затянувшаяся и изрядно наскучившая ему дачная история наконец закончится.

А Нечаева после его ухода долго сидела, задумавшись. Тяжелые складки бороздили ее лоб. Конечно, он прав, как он может сейчас взять меня с собой? Чужая жена. Но и отказаться от Бородулина она не могла, даже мысли такой не допускала. По законам чисто женской логики в этой безвыходности из тупика она обвинила мужа и всю силу ненависти обратила на него. Какая же я дура, думалось ей, что выскочила за этого Нечаева! Ах, если бы я была одна, если бы не было этих вериг на ногах...

Вечером 11 августа они с Мишелем, попивая коньяк, сидели на диване. И именно в это время скрипнула калитка. Как же это было некстати, как опускало Галину на землю с голубых высот!

Галина смотрела, как муж идет по тропе, и слепая ненависть и злоба душили ее, застилали глаза.

Встретила она его целым залпом бранных слов:

— У какой-то очередной шлюхи валандался? А мне будешь плести, что застрял на собрании или заседании? И когда это кончится? Когда?— Галина громко, пронзительно запричитала. То и дело слышались ее стонущие, истошные выкрики:— Ты испортил мне жизнь, не могу выносить эту грязь, не могу! Все мерзко, все гадко! Не хочу так жить, не хочу!..

Нечаев, уже привыкший к подобным истерическим вспышкам, постарался урезонить супругу:

— Галка, да что с тобой? Откуда ты берешь свои фантазии? Действительно мы застряли в завкоме сегодня. Получается у нас одна стоящая задумка, ну так вот мараковали, как и что.

— И долго ты меня дурачить будешь, голову мне морочить? Неужто я поверю в твои бредни? Нет, Нечаев, хватит, я не могу

больше, не могу!— Галина вновь в голос, навзрыд заплакала. Плечи ее тряслись, она уткнулась в подушки дивана и продолжала плакать все так же громко, все так же неистово.

Это вывело Нечаева из себя, и он нервно, еле сдерживаясь, с дрожью в голосе спросил:

— Ты кончишь наконец свой спектакль?

Так как плач не унимался, Нечаев, уже не скрывая своей злости, крикнул:

— Возьми себя в руки, иначе скоро угодишь в сумасшедший дом!

Галина, услышав это, смолкла, приподнялась с дивана. Она не плакала. Глаза ее горели, лицо было бледно, руки дрожали.

— Так вот ты как? Меня в психиатричку, а сам свободная птица? Ну так вот, подлая душа, не будет этого, никогда не будет. Не на ту напал. Я сумею за себя постоять, сумею.

— Да успокойся. Что с тобой? Совсем ошалела. Тебя действительно лечить надо.— Проговорив это, Нечаев подошел к выключателю, повернул его. Света не было.

— Давно нет электричества?— спросил он.

— Не знаю. У такого хозяина, как ты, разве может быть дом в порядке?

— Опять, видимо, пробки. Пойду посмотрю.

Минут через пять послышался его голос из сеней:

— Нет, пробки в порядке. Значит, провода. Видимо, ветер порвал.

Через несколько минут раздался его голос со столба:

— Галина, выйди на минутку.— Когда та показалась на крыльце, попросил ее: — Зайди в сарай, посмотри, выключен ли рубильник.

— Так что, его включить или выключить?

— Если хочешь меня сжечь, то включи, а если хочешь, чтоб жив остался, выключи.

Галина вошла в сарай. Рубильник был включен. Посмотрела сквозь открытую дверь на мужа. Тот ожидал ее сигнала. Галина выключила рубильник, мгновение помедлив, включила его вновь и махнула мужу.

Лестница была коротковата. Нечаев торопливо сращивал концы оборвавшегося верхнего провода. Потеряв равновесие, он ухватился за нижний изолятор, и рука соскользнула на провод. Галина видела, как сноп зеленоватых искр вспыхнул над столбом, слышала, как глухо вскрикнул Нечаев, как он рухнул на землю. Выйдя из сарая, она воровато оглянулась и бросилась на половину Фоминых.

Позвонив в «Скорую» и направляясь к себе, Нечаева в сенцах взяла Михаила за руку.

— Вот я и одна, не забудь обещание-то.

— Неужели... ты... Как же...

— Несчастный случай. Бывает.

— Ужас какой,— пролепетал Бородулин и шарахнулся от Галины.

* * *

Их судили. Галина Нечаева была приговорена к лишению свободы, а в отношении Бородулина суд ограничился частным определением. Его соучастие в убийстве инженера Нечаева доказано не было, за подлость же и пакостничество у нас не судят. А жаль.

В ИГРЕ И ЗА БОРТОМ

Владимир ДВОРЦОВ

Канадцы возвращаются на арену любительского хоккея. Они поняли, что самоизоляция не способствует дальнейшему расцвету игры. Эта весть обрадовала всех поклонников хоккея, потому что встречи с лучшими командами страны Кленового листа обогащают и европейский хоккей, придают ему новые, яркие краски. И вот в начале сентября в Канаде и США начинается международный турнир с участием сборных команд СССР, Канады, ЧССР, Швеции, США и Финляндии, а в апреле 1977 года на чемпионате мира в Вене сборные Канады и США снова появятся на льду.

Спортивный обозреватель ТАСС Владимир Дворцов дважды побывал в Канаде на матчах «Серии-74» и «Суперсерии-76».

Мы предлагаем читателям его заметки.

В Торонто, где расположена постоянно действующая Национальная выставка, в одном из павильонов разместился Музей хоккейной славы, пока единственный в мире. Павильон отдан спорту, но больше половины занимает хоккейная экспозиция.

В просторном, светлом помещении хранятся все переходящие призы Национальной хоккейной лиги (НХЛ) и Канадской ассоциации любительского хоккея (КАХА). Особое внимание публики обычно привлекает Кубок Стэнли. Приобретенный в 1892 году английским генерал-губернатором Канады лордом Стэнли всего за десять гиней (примерно 50 долларов), ныне он стал главным призом профессионалов Северной Америки и застрахован на сумму, в сотни раз превышающую первоначальную стоимость.

Интересна экспозиция коньков и клюшек — эволюция инвентаря у вас перед глазами. В музее много личных вещей «звезд» профессионального хоккея. Большинство клюшек корифеев последних сезонов с изогнутыми крюками. Как изобретатель и популяризатор этой хоккейной «пращи» в истории игры останется форвард из «Чикаго блэк хоукс» Стэн Микита. В 1972 году Микита приезжал в Москву, но ни в одном матче не играл, а запомнился выступлениями перед прессой и необычайной яркостью своего костюма. Во встрече «Чикаго» с «Крыльями Советов» «Суперсерии-76» Микита был лучшим в довольно возрастной и несколько медлительной поэтому местной команде, но слишком уж рьяно налетал на судью после каждого забитого гостями гола.

Словно живой, во вратарской стойке застыл легендарный голкипер «Детройта» и «Нью-Йорка» Тэрри Савчук. Уроженец Виннипега, Тэрри, а попросту Тарас, провел за 21 сезон в НХЛ более 1000 матчей. Выдающийся его рекорд — 103 встречи без гола — вряд ли будет когда-либо побит. Однажды на тренировке Савчук получил травму и через месяц скончался в госпитале.

В разделе голкиперов на почетном месте шесть довольно примитивных плексигласовых вратарских масок. Одна из них раздроблена на куски. Почему их держат под стеклом, словно берестяные грамоты далеких веков? Дело в том, что это первые в мире маски хоккеистов-вратарей, введенные в употребление стражем ворот «Монреаль-Канадиенс» Жаком Плантом.

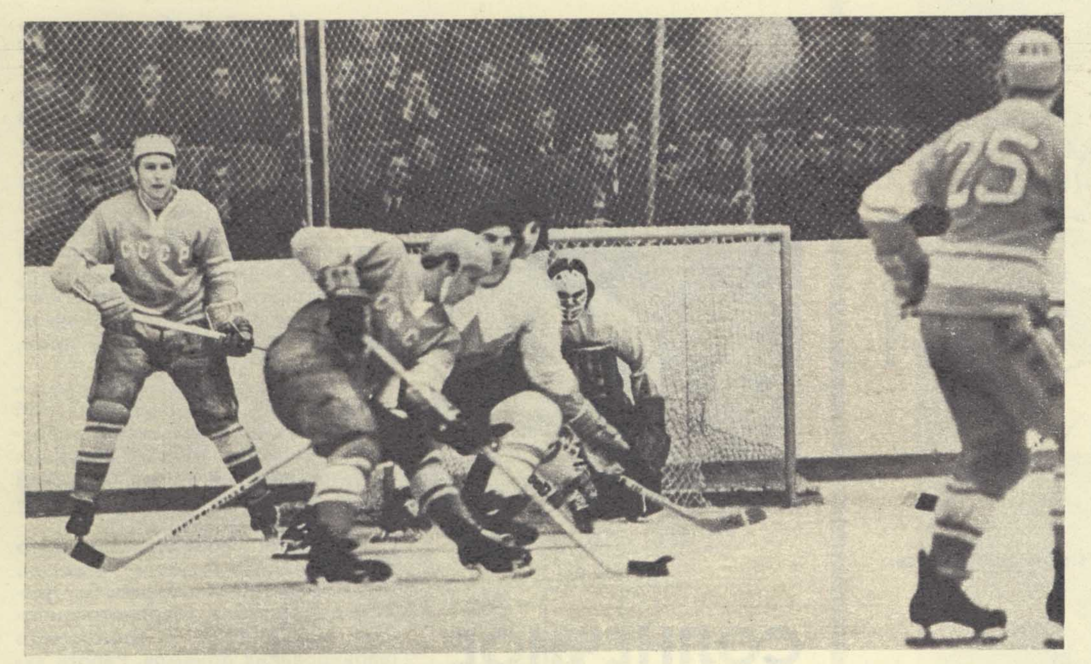
Плант вместе с партнерами по «Канадиенс» многократно завоевывал Кубок Стэнли, трижды назывался лучшим вратарем сезона и входил в первый состав всех «звезд». Плант — первый из «звезд» — профессионалов НХЛ, с которым советские хоккеисты встретились непосредственно на ледяной площадке. Это случилось в декабре 1965 года в матче между сборной СССР и дублерами «Канадиенс». Теперь я получил возможность побольше узнать о нем в хоккейном музее.

Дебютировал Жак в 1952 году, когда ему было 23 года. И сразу же стал смело выходить из ворот. За это канадские болельщики сперва прозвали его клоуном, но потом признали за Плантом право быть шестым полевым игроком: голов-то ему забивали меньше, чем другим.

Долгое время тренер Гектор Блейк позволял ему пользоваться маской лишь на тренировках. Но в ноябре 1959 года в матче против «Нью-Йорк рейнджерс» Плант появился в маске. Сменщик Планта в ходе игры получил тяжелую травму, а Жак, тоже травмированный, соглашался выйти на лед только в том случае, если ему будет разрешено надеть маску.

На первых порах голкипер в маске, конечно, выглядел странно, но Планта это не волновало — к этому времени у него уже было четыре перелома носа, и он предпочел смешки болельщиков новой травме.

В матче сборной СССР с молодняком Монреаля Плант завершил свои выступления за монреальский клуб и сыграл выше всяких похвал. Раз тридцать наши хоккеисты штурмовали его ворота, но цели достиг лишь один бросок. Когда игра кончилась, молодые ка-

Москва, 1974 год. На льду сборные СССР и Канады. **Фото А. Бочинина.**

надские хоккеисты унесли вратаря с поля на руках.

Плант очень доброжелательно относится к советским хоккеистам. Перед первой встречей сборной СССР с командой Канады в Монреале осенью 1972 года он даже дал нашему Третьяку несколько полезных советов.

На главнейших призах, хранящихся в Музее хоккейной славы, много раз встречается имя защитника атакующего плана из «Бостон брюинс» Бобби Орра.

Об Орре у нас, пожалуй, известно больше, чем о какой-либо другой знаменитости канадского хоккея. В сентябре 1972 года в Москву ожидалась команда Канады в составе тридцати хоккеистов, а приехал 31 игрок. В виде исключения и в знак признания заслуг перед мировым хоккеем мы не возражали против включения 31-м Бобби Орра, не залечившего еще к тому времени травму.

Как выглядит Орр? Его рост — 180 сантиметров, а вес — около 90 килограммов. На лице нестираемые следы его профессии — ссадины над бровями, расходящиеся лучами шрамы от ударов шайб и клюшек. С помощью Орра бостонцы, шесть сезонов подряд до его появления тащившиеся в самом хвосте турнирной таблицы, выплыли наверх и даже дважды выиграли Кубок Стэнли. У Орра поразительное чутье на маневр соперника. Половину игрового времени он проводит на площадке.

Особый стенд посвящен в музее серии 1972 года. На макете воспроизведен бросок Полла Хендерсона за несколько секунд до финальной сирены последнего матча в Москве, принесший канадцам победу во встрече и во всей серии. Этот гол ныне считается на родине хоккея самым значительным...

В музее один из разделов посвящен советским хоккеистам. Здесь можно увидеть свитер Третьяка, клюшку Якушева, шлем Харламова. Есть также шайба эстонской фабрики «Тегур», спортивные вымпелы, самовар, шахматы, матрешки, подаренные нашими хоккеистами. Тут же клюшка для игры в хоккей с мячом и синяя вязаная шапочка — ее оставили канадцам на память игроки сборной СССР во время первого визита на родину хоккея зимой 1957 года.

В Музее хоккейной славы имеется «Книга почета». Сюда по решению специального комитета во главе с президентом НХЛ К. Кэмпбеллом заносятся имена наиболее выдающихся игроков (после того, как они заканчивают выступать), деятелей хоккея, судей, тренеров.

Тренеров не очень-то жалуют в профессиональном хоккее. За всю многолетнюю историю НХЛ даже самые лучшие тренеры обычно получали вознаграждение меньшее, нежели последние игроки основного состава.

Перелом в отношении к тренерам, пожалуй, внес своей деятельностью Фрэд Шеро. Он дважды подряд привел в последние годы к победе в розыгрыше Кубка Стэнли команду-новичка в высшем хоккейном обществе «Филадельфия флайерс». И, хочешь не хочешь, этим обеспечил себе место в Музее хоккейной славы.

Встретившись с Шеро на стендах музея, я вспомнил о беседе с ним весной 1974 года. Буквально через несколько дней после триумфа своей команды в битвах за главный приз сезона Шеро прибыл в Москву в составе большой группы канадских специалистов по физической культуре и тренеров.

— Ничего удивительного в моем дальнем вояже нет,— сказал Шеро во время первой же нашей беседы,— хотя за свои 48 лет я впервые покинул пределы Канады и США. Я приехал пополнить багаж своих знаний. Успеху моей команды я во многом обязан тем, что раньше других тренеров НХЛ стал изучать сильные стороны советского хоккея. И, естественно, внедрять многое из изученного у себя. Я весьма удовлетворен результатами даже первых дней занятий в Институте физкультуры. Очень приятно, что в Москве нам открыли не только свои умы, но и сердца. Еще в 1960 году я обратил внимание на интересные коллективные действия хоккеистов сборной СССР. Как ни велика роль «звезд» в клубе, хоккей все-таки игра командная, а об этом в НХЛ как-то стали забывать. Года за два до серии, после матча в Филадельфии между сборными США и СССР, я сказал журналистам, что у советских хоккеистов блестящая конькобежная подготовка и лучшая игра в пас, которую я видел. Тогда меня подняли на смех. А теперь мне окончательно ясно: мы «пушки» одного калибра.

К сожалению, в матче суперсерии между ЦСКА и «Филадельфией флайерс» подопечные Шеро показали ужасающе грубый, как точно заметил К. Локтев, «животный хоккей». А ведь «Флайерсы» — мощная команда, они и без этого могли рассчитывать. на выигрыш у ЦСКА, ослабленного отсутствием Петрова, Цыганкова, Жлуктова, Кузькина...

А теперь познакомимся поближе с двумя именитыми участниками матчей «Серии-74».

До «эры Бобби Орра» хоккейным идолом НХЛ был родившийся в маленьком канадском поселке Пинт-Энн Бобби Халл. (Во время ленинградского «пробного» молодежного чемпионата мира тренер канадской команды Роджер Нильсон как-то сказал: «У нас хоккейный талант не пропадет, даже если он объявится в самой глухой деревне, как это было с Халлом, например».)

Ведущие профессиональные клубы нередко перехватывают друг у друга подающих надежды мальчиков. Селекционеры «Чикаго» увели буквально из-под носа у монреальцев Бобби Халла. Да и как было не похитить юнца, за один вечер на глазах у тренеров из «Чикаго» сыгравшего четыре матча подряд и забросившего два десятка шайб!

Халл невысок ростом — 176 сантиметров, однако боевой вес внушителен — 85 килограммов, при этом он в годы расцвета был и первым спринтером среди хоккеистов. Но главное, что сделало Халла всеобщим любимцем,— это его мощнейшие броски по воротам. Шайба, пущенная Халлом, летит со скоростью до 180 километров в час...

Высокий, мощный, крепко стоящий на льду — вот краткая характеристика первого по стажу долгожителя хоккея, Горди Хоу, своего рода «ледового Стэнли Метьюза».

Хоу принадлежит целая куча выдающихся рекордов североамериканского хоккея. В тренировочном лагере «Детройт рэд уингс» канадский парнишка с Дальнего Запада появился, когда ему было шестнадцать лет, и сразу, по мнению специалистов, мог бы занять место в основном составе. Дебют его состоялся в 1946 году, а затем он 25 сезонов провел в детройтском клубе. Это его первое достижение. Ведь десять — двенадцать лет в НХЛ считается большим успехом. Хоу сыграл 1624 матча — еще рекорд. Забросил 786 шайб, сделал 994 голевых передачи — это тоже уникальные показатели. Даже пенсия от НХЛ, как говорят, у него самая большая.

Горди называют по-разному: «Мистер хоккей», «Человек с тысячью шрамов», «Мистер локти». Последнее прозвище требует расшифровки. В отличие от Бобби Халла Хоу-старший — жесткий хоккеист. Ему наносят удары, но и он не жалеет соперников и часто пускает в ход локти. Как говорил мне Володя Шадрин, они у него словно железные.

Сведущие люди полагали, что при своем отношении к спорту и режиму Хоу сможет играть до пятидесяти лет, но ревматизм вынудил его покинуть лед в 44 (тоже выдающийся рекорд!). Впрочем, «покинул» в данном случае не то слово. Через два года Горди вернулся в большой хоккей. И он пришел не один, а с двумя сыновьями: 18-летним нападающим Марком и 19-летним защитником Марти. Все трое подписали первый в истории профессионального хоккея (новое достижение!) семейный контракт с клубом ВХА «Хьюстон аэрос».

Папе Хоу очень понравилась игра Якушева. В конце матча в Ванкувере, когда Александр сидел на скамейке травмированный, Горди просигналил ему со своего места: обменяемся после сирены клюшками?

— Согласен,— ответил Якушев.

* * *

«Кленовые листья» придают большое значение предстоящему международному турниру — впервые сборная Канады будет сформирована из ведущих профессиональных хоккеистов двух яростно соперничающих лиг — НХЛ и ВХА. Знаменитые бомбардиры Бобби Халл из ВХА и Фил Эспозито из НХЛ, возможно, даже выйдут на лед в одном звене.

Наряду с этими знаменитостями в сборной Канады еще немало хоккеистов первой величины — вратарь Джерри Чиверс, защитники Серж Савар, Денис Потвин, нападающие Питер Маховлич, Ги Лефлер, Марк Тардиф, Бобби Кларк, Рене Робер, Жальбер Перро и другие. Приглашены также (но пока их выступления из-за травм и по другим причинам под вопросом) вратари Кен Драйден и Берни Парент, защитник Бобби Орр, Брэд Парк, нападающий Рик Мартин. А патриарх канадского хоккея Горди Хоу на сей раз выступает в числе советников (есть и такая должность) тренеров сборной Канады.

В нашей команде наряду с такими известными мастерами, как Третьяк, Зингер, Лутченко, Гусев, Васильев, Шалимов, Мальцев, Капустин, пройдут проверку боем и молодые перспективные хоккеисты. Они попытаются заменить в команде Шадрина и Якушева, а также Харламова, весной попавшего в автокатастрофу, и его соратников Михайлова и Петрова. Выполнить такую задачу нелегко, но нет, как говорится, худа без добра — хоккейная молодежь получит возможность проявить себя, а ей ведь предстоит сменить на льду многих наших прославленных ветеранов.

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Чтобы не проспать.

— Спроси у него, не проголодался ли он еще.

Перепутал.

— А я поступил в физико-математическую школу.

Не выдержал.

Без слов.

СОЛНЕЧНОЕ ДЕРЕВО

В. КУПИСКО

Говорят, что новое — это хорошо забытое старое. Свидетельство тому — история, о которой речь пойдет ниже.

У Арсена Почхуа две профессии — он музыкант и художник. Оба призвания дополняют и обогащают друг друга. Наверное, поэтому музыка в его исполнении звучит так мягко, пластично и медально-четко, а его резные пластины так ощутимо музыкальны.

Более тридцати лет назад студент класса альта Тбилисской консерватории увлекся народным орнаментом. Произведения молодого музыканта однажды увидел прославленный Ладо Гудиашвили и признал в нем высокий дар. С тех пор он внимательно следил за творчеством А. Почхуа, помогал ему советом.

Резьба по самшиту, несколько веков назад распространенная в Грузии, к нашему времени прочно забылась, и Арсену пришлось начинать практически заново: конструировать инструменты, создавать технологию, вырабатывать приемы. Он остановился на той породе самшита, которая растет лишь в одном месте на Кавказе, в ущелье бурной Бзыби. Ее древесина тверда — резец из лучшей стали скоро сдает, точно режут им не дерево, а камень. К тому же она так плотна, что годовые кольца неразличимы. Работать резчику трудно, но зато благодарное дерево позволяет мастеру добиваться редкого художественного эффекта. Солнечный, нежно-желтый цвет бзыбского самшита — теплый и ласковый — успокаивает, умиротворяет. На ощупь он мягкий и гладкий, как кожа человека: в холод теплый, в жару прохладный...

— Замечательный мастер, — говорит Л. Гудиашвили об А. Почхуа, — единственный в Грузии художник, который положил начало, укрепил и вывел новый жанр малой пластики на подмостки большого искусства.

Каждое его произведение — это поиски образа и долгие недели, месяцы кропотливой работы, требующей сугубой сосредоточенности, аккуратности и постоянного варьирования приемов. Работа художника похожа на труд хирурга: тончайшими движениями резца управляют сильные и нежные руки — самшит тверд, но хрупок, одно неверное движение может все погубить.

Творчество А. Почхуа глубоко национально, но, как всякое большое искусство, близко и понятно каждому. Воплощенные в оригинальном материале темы восходят к народной традиции и обогащаются современным видением художника. Работы, созданные в технике сквозной прорези, близки орнаменту, мажорны по настроению; воплощенные в них образы преисполнены благородства, глубоко человечны, одухотворенны. Аллегорические сюжеты резных пластин проповедуют любовь, справедливость, утверждают красоту мира. Горельефные портреты, среди которых можно увидеть изображения Руставели и Пиросмани, Бетховена и Шопена, утверждают идеи гуманизма. Задумчивость и спокойная мудрость лиц, сдержанность в проявлении сильных чувств, изящество рождают ощущение, что перед нами замершая в воздухе музыка из старинной сказки, переведенная в пластические образы руками волшебника.

В ближайшее время в тбилисском издательстве «Хеловнеба» выходит из печати альбом цветных репродукций произведений Арсена Почхуа. Широкие круги любителей искусства вскоре получат возможность познакомиться с его самобытным творчеством.

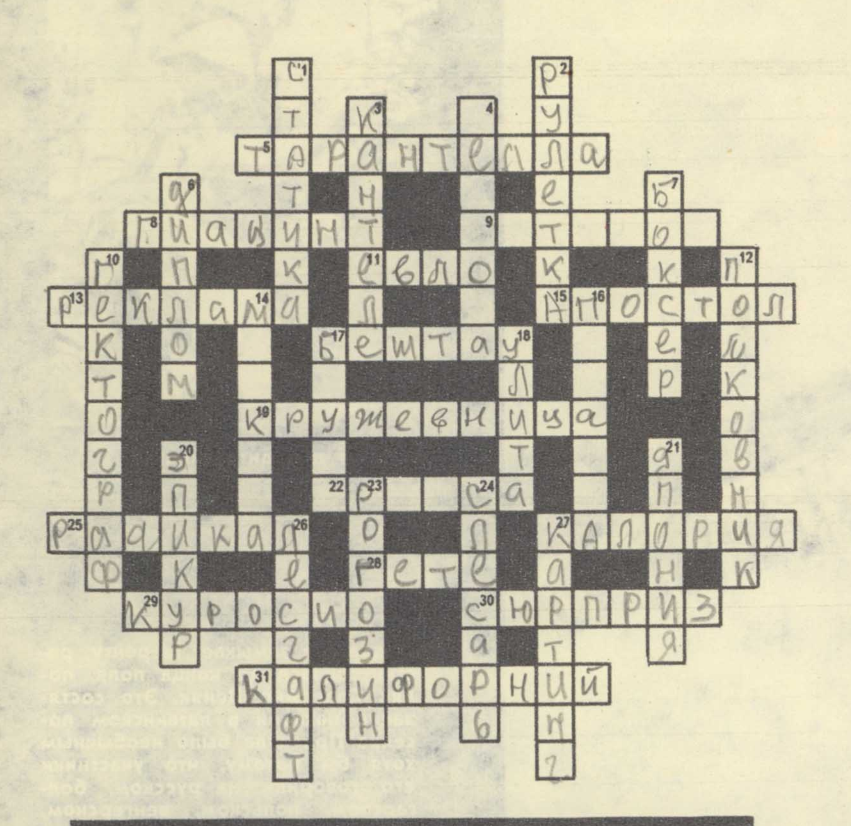
ЧАСОВЫЕ ДОРОГ

20 августа столичной Госавтоинспекции было вручено переходящее Красное знамя Министерства внутренних дел СССР и ЦК профсоюза работников государственных учреждений.

Вручение переходящего Красного знамени.

Фото В. Капустина.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Танец. 8. Цветок. 9. Театральный работник. 11. Порт в Швеции. 13. Популяризация товаров, услуг, зрелищ. 15. Название первой печатной книги в России. 17. Пятиглавая гора на Северном Кавказе. 19. Картина В. А. Тропинина. 22. Штат в Индии. 25. Математический знак. 27. Внесистемная единица количества теплоты. 28. Немецкий поэт. 29. Теплое течение Тихого океана. 30. Неожиданный подарок. 31. Радиоактивный элемент.

По вертикали: 1. Раздел механики. 2. Лента с делениями для измерения длины. 3. Финский и карельский щипковый инструмент. 4. Травянистое декоративное растение. 6. Документ об окончании высшего учебного заведения. 7. Порода служебных сбак. 10. Приспособление для размножения текста, иллюстраций. 12. Воинское звание. 14. Река в Якутии. 16. Старинный разрывной снаряд. 17. Итальянский мыслитель XVI века. 18. Действующее лицо пьесы А. Н. Островского «Лес». 20. Древнегреческий философ. 21. Государство в Азии. 23. Персонаж трилогии К. А. Федина. 24. Профессия рабсчего. 26. Основоположник научной системы физического образования. 27. Гонки на автомобилях малых размеров.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 34

По горизонтали: 7. Метеорит. 8. Арматура. 9. Антраша. 10. Пандус. 12. Тополь. 13. Палерлит. 15. Тиркушка. 17. Амплитуда. 18. Гелиограф. 22. Трембита. 24. Одинцсва. 25. Нейлон. 26. Штуцер. 27. Кутаиси. 29. «Проселок». 30. Аренский.

По вертикали: 1. Нерпа. 2. Тумба. 3. Стендаль. 4. Статист. 5. Малахит. 6. Будапешт. 11. Стопа. 12. Тыква. 14. «Ипполит». 16. Изумруд. 18. Губан. 19. Финиш. 20. Петляков. 21. Голубика. 23. «Арктика». 24. Ординар. 27. Калий. 28. Исеть.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Владимир Панчук, молодой комбайнер колхоза имени Ильича, Ленинградского района, Краснодарского края. Фото А. Бочинина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Работы Арсена Почхуа: портрет Сулхана Саба Орбелиани, декоративная ваза, «Муза», «Любовь». (См. в номере статью В. Куписко «Солнечное дерево».)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 9/VIII — 1976 г. А 00698. Подп. к печ. 25/VIII — 1976 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2050. Тираж 2 050 000 экз. Заказ № 2630.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Трактор ведет Ульрих Даубитц из ГДР.

ПАХАРИ

Ю. СТРОЕВ, фото И. ГАВРИЛОВА

Выстрел. Белохвостая ракета ушла в небо. По зеленому полю разбежались трактористы в синих спецовках. Сейчас каждый из них разметит землемером свой участок; по условию соревнования в конце пахоты не должно остаться ни одной полоски невспаханной земли! Снова выстрел. Один за другим ожили моторы двадцати четырех тракторов «Беларусь». Еще мгновение — вот уже машины бороздят поле, оставляя за собой черные полосы.

Отсюда, где мы стоим, трудно рассмотреть лица трактористов. Я знаю, что под номером первым — венгерский парень Сабо

На старте.

Чествуют победительницу.

Андраш, а замыкает шеренгу, растянувшуюся до конца поля, поляк Славомир Пеняк. Это состязание пахарей в латвийском поселке Приекуле было необычным хотя бы потому, что участники его говорили на русском, болгарском, польском, венгерском, чешском, немецком и монгольском языках. Первый конкурс среди учащихся профессионально-технических учебных заведений социалистических стран на лучшего тракториста вызвал большой интерес у молодых землепашцев. До начала соревнования мы познакомились с некоторыми из них. «Я очень люблю землю! Дед и отец мои — крестьяне, они-то и передали мне любовь к земледелию»,— это слова Романа Калеты из ПНР.

Сабо Андрашу только исполнилось семнадцать лет. Как и Роман, он потомственный земледелец и приехал на соревнование прямо с покоса ячменя. Но, пожалуй, больше всех волновалась перед соревнованием Батцэцэг: «У нас в Монголии тракторист — совсем новая профессия. Только недавно мы начали осваивать свою целину, и я первая в нашей семье аратов села за штурвал трактора».

Сто двадцать минут — вот срок, в который им предстояло показать свое умение, знания и опыт. Они уходили, эти минуты, быстрее обычного... Внезапно остановился один из тракторов. Из кабины выскочил чех Франтишек Кос. Что случилось! Нож зацепился за камень! Вместе с механиком Оскаром Барда Франтишек вмиг исправил повреждение.

Смотрю на часы: до конца состязания остаются считанные секунды. Поле почернело, лишь тонкие зеленые полоски разделяют участки трактористов. Но вот заглохли моторы. Теперь главное слово — за членами жюри, которое должно определить, кто же лучший! Молодые пахари здесь же на поле прилежно записывают адреса друг друга. И немецкая девушка Христина Сильвестер объясняет польскому юноше, который собирается приехать на практику в ГДР, где и как ее там отыскать.

...Первой на пьедестал почета поднялась пятнадцатилетняя Вайда Бриеде. Как же обрадовались ее односельчане из Приекули: «Молодец Вайда, не подвела!» Второе место завоевала Батцэцэг, а среди ребят лучшим трактористом оказался Будрис Гинтаутас из Литвы.

Соревнование закончилось. «До новой встречи!» — говорят пахари друг другу. Пока еще неизвестно, в какой стране она будет. Но она будет!

«Мы пахали!».

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663

